

# ПРАВОСЛАВНОЕ ПОИТАНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ



Блаж. Архиепископ Иоанн (Максимович)

ПРАВОСЛАВНОЕ ПОЧИТАНИЕ  
 БОЖИЕЙ МАТЕРИ 

Вильмуассон—С.-Петербург

1 9 9 2

## Содержание

Предисловие	
Православное богословие Блаженного Архиепископа Иоанна (Максимовича) .....	4
Как св. Православная Церковь чтит и чтит Божию Матерь.....	8
Почитание Божией Матери во дни Ея земной жизни.....	8
Первые недруги почитания Богоматери.....	9
Попытки евреев и еретиков опорочить Приснодевство Марии.....	10
Несторианская ересь, провозгласившая Богородицу только Христородицею, и III Вселенский Собор.....	12
Попытки иконоборцев уменьшить славу Царицы Небесной и их посрамление.....	15
"Ревность не по разуму" (Рим 10, 2) Извращение латинянами в новоизмышленном догмате "Непорочного зачатия" истинного почитания Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии.....	16
Православное почитание Богоматери.....	23
Почитание Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направление русской религиозно-философской мысли	
Часть I.....	27
Часть II.....	34
Часть III.....	42

## Предисловие

# ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ БЛАЖЕННОГО АРХИЕПИСКОПА ИОАННА (МАКСИМОВИЧА)

Несколько лет тому назад одна Игуменья Русской Зарубежной Церкви, женщина праведной жизни, говорила поучение в храме обители в день престольного праздника, на Успение Пресвятой Богородицы. Она слезно умоляла сестер и паломников, собравшихся на праздник, всецело и безоговорочно принимать то учение, которое Святая Церковь нам передает, которое Она с таким тщанием блюла в течение всех веков, и не выбирать для себя, что в нем "важно", а что "второстепенно"; ведь считая себя мудрее священного предания, можно и совсем его утратить. Итак, когда Церковь повествует нам в Ее песнопениях и через святые иконы, что святые апостолы чудесным образом собрались со всех концов вселенной, чтобы присутствовать при Успении и Погребении Пресвятой Богородицы, мы, будучи православными христианами, несвободны отрицать или перетолковывать это, но должны верить церковному преданию просто и чистосердечно.

Молодой американец, принявший православие и выучивший русский язык, присутствовал при этом поучении. Глядя на иконы, написанные в традиционном иконописном стиле, на которых апостолы изображены на тучах, несущих их к Успению Божией Матери, он как раз сам задумывался над этим вопросом. Спрашивалось, действительно ли мы должны понимать это как чудесное событие или это просто "поэтическое" объяснение собрания всех апостолов к этому событию, или может даже некое оригинальное "идеализированное" изображение вообще не состоявшегося события? (Таковы, на самом деле, вопросы, занимающие некоторых современных "православных богословов"). Слова праведной Игуменьи глубоко поразили молодого американца-неофита, и ему стало ясно, что есть нечто более глубокое в восприятии и понимании православия, чем то, что открывает нам наш ум и наши чувства. В то мгновение православное предание передавалось ему не книгами, а живым сосудом, восполненным этим учением и преданием, и необходимо было воспринимать не умом только или чувствами, но прежде всего сердцем, которое таким образом и начало глубже проникаться православием.

Впоследствии этот молодой неофит познакомился, через чтение и лично, со многими богословски образованными православными христианами. Это были наши современные "богословы", которые учились в православных учебных заведениях и стали "богословами-специалистами". Они обычно охотно поясняли что православно, а что инославно, что важно, а что второстепенно в самом православии, и некоторые из них гордились своим "консерватизмом" или "традиционализмом" в вопросах веры. Но ни в одном из них не чувствовался авторитет той простой Игуменьи, которая говорила его сердцу, несмотря на всю свою "богословскую необразованность".

И сердце этого неофита, только начинающего сознательную православную жизнь, жаждало понимания того, как верить, что означало и кому верить. Он был уж очень человеком нашего века и современного воспитания, чтобы суметь просто отречься от своих собственных размышлений и слепо верить всему сказанному ему; да и совершенно очевидно, что православие и не требует такого: ведь сами творения святых отцов-это живое свидетельство о трудах человеческого разума, просвещенного Божьей благодатью. Но также очевиден и некий недостаток у современных "богословов", которые, несмотря на всю присущую им "логичность", последовательность и знание святоотеческих текстов,

не смогли передать дух, характер и обаяние православия, как смогла простая, неученая Игуменья.

Поиски нашего неопита, поиски контакта с истинным и живым православным преданием, завершились встречей с Архиепископом Иоанном (Максимовичем). В нем он нашел и образованного богослова "старой" школы, но в тоже время очень осведомленного о критике такого рода богословия в современной богословской мысли, и который своим чутким умом мог распознать истину, где она могла быть оспоренной. Но в нем было и то, чего не хватало всем богословским "мудрецам" нашего века - простота и авторитетность благочестивой Игуменьи, которые так поразили сердце молодого Богоискателя. Владыка Иоанн покорило его ум и сердце не потому, что он стал для него "непогрешимым" - в Церкви Христовой нет ничего такого - но потому, что он в этом святителе увидел пример православия, настоящего богослова, чье богословие было последствием праведной жизни и глубоко укоренено в священном предании Православной Церкви... И наш молодой неопит обнаружил, что, несмотря на его чуткий ум и критическое мышление, слова Владыки Иоанна гораздо чаще согласовались со словами простой Игуменьи, чем со словами образованнейших современных богословов.

Богословские труды Владыки Иоанна не принадлежат определенной "школе", в них не видно "влияния" ни одного богослова недавнего прошлого. Правда, Владыка Иоанн был призван богословствовать - в таком же смысле, в котором он был призван к монашеству и служению Церкви своим великим учителем Митрополитом Антонием (Храповицким), и так же верно, что он полностью освоил стремление своего наставника отстаивать необходимость "возврата к святым отцам" и к богословию, основанному на моральной и духовной жизни, нежели чисто академическому. Но богословские труды самого Митрополита Антония очень различны и в духе, и в самом замысле, и в содержании. Он много вращался в современных ему академическом и интеллигентском обществах, и многие его сочинения посвящены аргументам и апологетике, приемлемым в знакомых ему кругах. В трудах Владыки Иоанна, наоборот, совершенно отсутствует апологетика, они не открыты для дискуссии. Он не спорил, а просто излагал православное учение. Когда была необходимость опровергать ложные учения, (самым ярким примером чего служат его две длинные статьи о софианстве Булгакова), слова Владыки убеждали не последовательностью или логичностью аргументации, а самой силой изложенного им святоотеческого учения и цитируемых текстов. Он обращался не к академической или образованной среде, а к неповрежденной православной совести, и он не говорил о "возврате к святым отцам", потому что то, что он писал было просто пересказом и передачей святоотеческого предания, без всякой попытки оправдать или извинить такой подход.

Источники богословия Владыки Иоанна очень просты:

Священное Писание, Святоотеческие писания (в особенности великих отцов IV и V веков) и самое отличающее - православные богослужебные тексты. Последние, которые редко использовались в таком объеме новейшими богословами, указывают на чисто практический, нежели научный подход Владыки Иоанна к богословию. Очевидно, что он был полностью поглощен богослужением православной Церкви и что его богословие вдохновлено этим прямым источником. Вдохновение приходило не во время часов досуга, предоставленные для богословствования, а во время его ежедневного присутствия на всех церковных службах. Он воспринимал богословие как неотъемлемую часть обыденной жизни, и, несомненно, это сделало его богословом в гораздо большей степени, чем формальные богословские занятия.

Следовательно, у Владыки Иоанна мы не обнаружим богословской "системы". Нельзя это понимать как "протест" против великих трудов "систематического богословия" IX в. в России; Владыка, без всяких сомнений, пользовался систематическими катехизисами того времени в своей миссионерской деятельности. (Как делали многие великие святители и Греции, и России в IX и XX вв., считая эти катехизисы превосходными пособиями для православного просвещения своих народов.) В этом Владыка не следовал моде и не принадлежал к какому-либо течению среди богословов и их последователей ни в прошлом, ни в настоящем, так как они слишком часто чересчур большое значение придают какому-нибудь определенному взгляду на православное богословие. Он в равной степени уважал Митрополита Антония (Храповицкого) и его "антизападную тенденцию" и Митрополита Петра (Могилу), который якобы был слишком "под влиянием" запада. Когда говорили ему о недостатках этих великих святителей и защитников Православия, Владыка отмахивался и говорил, что это "неважно", потому что он прежде всего думал о великом святоотеческом наследии, которое эти богословы успешно передавали, несмотря на недостатки. Многие современные молодые богословы, часто подходящие к православному богословию слишком абстрактно, теоретически, полемично и односторонне, могли бы поучиться у Владыки.

Для Владыки Иоанна богословские "категории" даже мудрейших ученых богословов были "неважны"; точнее, они были неважны, если они не передавали истину и суть дела, а просто заучивались. Один случай, происшедший, когда Владыка был в Шанхае, ярко характеризует свободу его богословского мышления. Однажды, присутствуя на устных экзаменах по Закону Божию старшего класса школы кафедрального собора, он прервал безошибочное перечисление учеником "второстепенных пророков" Ветхого Завета резким и категорическим замечанием: "Нет "второстепенных" пророков!" Понятно, Батюшка-учитель класса обиделся на то, что Владыка подрывает его учительский авторитет, но, наверное, до сегодняшнего дня ученики помнят это кажущееся странным отрицание принятых "категорий", а, возможно, некоторые из них поняли и то, что Владыка Иоанн хотел сказать: у Бога все пророки велики и важны, и этот факт гораздо важнее всех "категорий" наших знаний о них, какими бы они не были правильными сами по себе. В своих богословских статьях Владыка Иоанн часто таким неожиданным поворотом мысли открывает нам новую сторону или более глубокое значение обсуждаемого предмета. Очевидно, что для него богословие было не просто человеческой, земной наукой, чьи сокровища исчерпываются нашими рационалистическими интерпретациями или в которой мы можем стать самодовольными "экспертами", но было чем-то ведущим к небесному, что должно привлекать наши умы к Богу и небесным реальностям, которые нельзя постичь логическими системами мышления.

Известный русский церковный историк Н. Тальберг предлагает нам (в "Летописи" Еп. Саввы, гл. 23), прежде всего, понимать Владыку Иоанна как "юродивого Христа ради, оставшимся таковым и в епископском сане", и в этом качестве сравнивает его со святым Григорием Богословом, который в том же, в чем и Владыка Иоанн, не соответствовал стандартным пониманиям "облика" епископа. Именно это "юродство" (по мирским понятиям) придает характерный тон богословским сочинениям и святого Григория, и Владыки Иоанна; и тот, и другой отдаляются от "общественного мнения", от того, как "все думают" и таким образом не зависят от какого-либо "течения" или "школы". Они подходят к богословским вопросам с возвышенной, не академической точки зрения и этим избегают мелких ссор и сварливого духа. С новыми, неожиданными поворотами мысли их сочинения прежде всего становятся источником вдохновения и более глубокого понимания Божьего откровения.

Пожалуй, больше всего поражает абсолютная простота Владыкиных сочинений. Сразу ясно, что он принимает Православное предание прямо и безоговорочно, без всяких "двуличных" мыслей о том, как можно верить в это предание и все-таки оставаться "развитым, культурным" человеком. Он знал современную "критику" и, будучи спрошен, мог дать конкретные, четкие причины своего несогласия с ней в большинстве вопросов. Он тщательно изучил вопрос "западного влияния" в Православии в течение предыдущих столетий и держался трезвой, уравновешенной точки зрения, осторожно разбираясь в том, что должно исключать как неприемлемое для Православия и чего не следовало рекомендовать, но из-за чего не следовало "горячиться", и в том, что можно было принять как соответствующее православному образу жизни и благочестия. (Из этого становится ясно, что у Владыки Иоанна не было "предубеждений", он все проверял исключительно трезвым православным учением). Но, несмотря на все его знания и умение критически размышлять, он продолжал верить в Православное предание просто, каким оно и передано нам Церковью. Большинство современных православных богословов, даже если они не подвержены самому крайнему протестантско-реформаторскому мышлению, все-таки смотрят на Православное предание через академическую обстановку, привычную для них. А Владыке Иоанну, прежде всего, были "привычны" православные богослужения, которым он посвящал много часов ежедневно, и таким образом у него отсутствует даже малейший "привкус" рационализма (не обязательно даже в плохом смысле этого слова), который находим и у самых выдающихся академических богословов. В его сочинениях нет "проблем"; его обыкновенно многочисленные цитаты лишь только указывают, где находится учение Церкви. В этом смысле он абсолютно единоклюбен с "мышлением Святых Отцов" и кажется нам как бы одним из них, а не просто комментатором богословия прошлого.

Богословские сочинения Владыки Иоанна, напечатанные в различных церковных периодических изданиях в течение четырех десятилетий, никогда не были собраны в один том. Имеющиеся сегодня у Свято-Германовского братства наполнили бы книгу в 200 страниц. Его более длинные сочинения написаны им в молодости, еще будучи иеромонахом в Югославии, где его уже признавали выдающимся православным богословом. Особенно ценны его две статьи о софианстве Булгакова, из которых одна очень убедительно и объективно указывает на полное невежество Булгакова в сфере патристики, а вторая еще более ценна, как классическое изложение истинного святоотеческого учения о Премудрости Божией. Среди его более поздних сочинений следует обратить внимание на статью о православной иконописи (в которой он, кстати, оказывается гораздо более осведомлен в вопросе "западного влияния" в иконописи, чем его учитель, Митрополит Антоний); на серию проповедей, названную "Три Евангельских Праздника", в которой он открывает более глубокое значение нескольких "второстепенных" церковных праздников, и на статью "Церковь: Тело Христово". Более краткие статьи и проповеди Владыки Иоанна тоже богословски насыщены. Одна проповедь начинается с "Гимна Богу" св. Григория Богослова и в таком же возвышенном, патристическом тоне обличает современное безбожие. В другой, произнесенной в Великий Пяток 1936 года. Владыка обращается к умершему Христу, лежащему во гробе. Она могла бы быть сказанной тем же Святым Отцом.

Начинаем эту серию публикаций с классического изложения Владыкой Иоанном Православного учения о почитании Божией Матери и важнейших ошибках, направленных против него. Самая длинная глава является ярким и четким опровержением латинского догмата о "непорочном зачатии".

*Иеромонах Серафим (Роуз)*

---

# Как св. Православная Церковь чтит и чтит Божию Матерь

*"Достойно есть величати Тя.*

*Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим"*

22 июня 1931 года в Белграде было совершено торжественное освящение храма-часовни в честь Иверския чудотворныя иконы Божией Матери, построеннаго на кладбище, отведенном для русских. Освящение совершал Патриарх Сербский Варнава в сослужении Митрополита Киевскаго и Галицкаго Антония и Епископа Лондонскаго Николая. Какое замечательное сочетание имен! Восток (Иверия - Грузия) и столица запада Лондон, Иерарх священной купели русскаго народа, патриархъ коего некогда назывался патриархом "и всех северных стран", и первоерархъ южных славян - все это соединяется для торжества в честь Честнейшей Херувим.

Но еще знаменательнее оно, когда вспомним, что в тот день, когда по улицам Белграда несли доставленную изъ земного удела Божией Матери - Святой Горы Афонской - икону Заступницы рода Христианскаго, в тот именно день исполнилось 1500 лет открытия Третьяго Вселенскаго Собора, когда вечером народ торжественно приветствовал Святых Отцов, защитивших почитание Богоматери и осудивших еретиков, ее хуливших.

Православные христиане, отделенные друг от друга пространством или веками, объединяются своей любовью к Той, Которая родила Соединившаго в одно небесное и земное. Поистине сбылись и сбываются Ея слова: "Отныне ублажат Мя вси роди".

## **I. Почитание Божией Матери во дни Ея земной жизни.**

Отъ Апостольских времен и до наших дней все истинно любящие Христа воздают почтение Той, Которая родила Его, воспитывала и оберегала в дни детства. Если Ее избрал Бог Отец, сошел на Нее Дух Святыи, Бог Сын вселился в Нее, повиновался Ей в дни детства, заботился о ней, вися на кресте, то не должен ли Ей кланяться всякий, исповедующий Святую Троицу?

Еще в дни Ея земной жизни друзья Христовы, Апостолы, проявили большую заботливость и преданность по отношению к Матери Господа, в особенности евангелист Иоанн Богослов, который, исполняя волю Ея Божественнаго Сына, взял к себе и заботился о Ней, как о Матери, с того времени, как Господь со креста изрек ему: "Се мати Твоя".

Евангелист Лука написал несколько Ея изображений, одни вместе с Предвечным Младенцем, другие безъ Него. Когда он принес и показал их Пресвятой Деве, Она одобрила их и сказала: "Благодать Сына Моего будет с ними", и повторила некогда в доме



Елисаветы воспетую Ею песнь: "Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе, Спасе Моем."

Впрочем, Дева Мария уклонялась во время своей земной жизни от славы, принадлежащей Ей, как Матери Господа. Она предпочитала проводить жизнь в тишине и подготавливаться к переходу в вечную жизнь. До последнего дня Своей земной жизни Она заботилась о том, чтобы оказаться достойной Царства Сына Своего, и перед смертью молилась, чтобы Он избавил Ея душу от злобных духов, встречающих людские души по пути к небу и стремящихся захватить их, чтобы отвести к себе в ад. Господь исполнил молитву Своей Матери и в час кончины Её Сам пришел с неба со множеством Ангелов принять Её душу.

Так как Божия Матерь молилась ещё о том, чтобы могла проститься с апостолами, то Господь собрал к Её кончине и всех апостолов, кроме Фомы, невидимой силой донесённых в тот день в Иерусалим со всех концов вселенной, где они проповедовали, и они присутствовали при Её блаженном переходе в вечную жизнь.

Со священными песнопениями предали апостолы погребению Её Пречистое тело, а на третий день открыли гроб, чтобы ещё раз поклониться останкам Божией Матери, вместе с прибывшим тогда в Иерусалим апостолом Фомой. Но они не нашли в гробе тела и в недоумении вернулись к себе, а во время трапезы им явилась на воздухе Сама Богоматерь, сияющая небесным светом и поведала, что Сын Её прославил и тело Её, и Она, воскрешённая, предстоит Его Престолу. При сём обещала Она быть с ними всегда.

Апостолы с великой радостью приветствовали Богородицу и стали Её почитать не только как Мать их возлюбленного Учителя и Господа, но и как свою небесную помощницу, покровительницу христиан и заступницу за весь род людской перед Праведным Судией. И всюду, где проповедовалось Евангелие Христово, прославляться стала и Его Пречистая Матерь.

## **II. Первые недруги почитания Богоматери**

Чем более распространялась Христова вера, чем больше на земле славилось Имя Спасителя мира, а вместе с Ним и Та, Которая удостоилась быть Матерью Богочеловека, тем больше увеличивалась и ненависть к Ней врагов Христовых. Мария была Мать Иисусова. Она явила невиданный пример чистоты и праведности, к тому же Она, и переселившись из этой жизни, была могущественною, хотя и невидимою телесными очами поддержкою христиан. Поэтому все, кто ненавидел Иисуса Христа и не веровал в Него, кто не понимал Его учения, вернее сказать, не хотел понимать так, как понимала Церковь, кто хотел Христову проповедь заменить своими человеческими умствованиями - все они ненависть ко Христу, к Евангелию и Церкви переносили на Пречистую Деву Марию. Хотели унижить Мать, чтобы тем разрушить и веру в Её Сына, создать ложное представление о Ней среди людей, чтобы иметь возможность и всё христианское учение перестроить на других основаниях. В утробе Марии соединился Бог и человек, Она была Той, Которая послужила как бы лестницей для Сына Божия, шедшего с неба. Нанести удар почитанию Её - значит ударить христианство по корню, разрушить в самом основании.

И самое начало Её небесной славы ознаменовалось на земле вспышкой злобы и ненависти к Ней неверных. Когда после Её Святой кончины, апостолы несли Её тело для погребения в Гефсиманию к выбранному Ею месту, Иоанн Богослов впереди нёс райскую ветвь,

которую за три дня перед тем Архангел Гавриил принёс Святой Деве, придя с небес возвестить Ей о предстоящем переходе Её в небесные обители.

"Во исходе Израилеве от Египта, дому Иаковля из людей варвар" - начал апостол Петр псалом 113, "Аллилуиа" подхватило всё собрание апостолов и их учеников, как, например, Дионисий Ареопагит, также чудесно доставленных тогда в Иерусалим. И когда пелась эта священная песнь, называвшаяся у евреев "великая аллилуиа", т.е. великое "хвалите Бога", один еврейский священник, Аффоний, подскочил к носилкам и хотел, опрокинув их, бросить на землю тело Богоматери.

Дерзость Аффония была тотчас наказана: Архангел Михаил невидимым мечом отсек ему руки, оставшиеся висеть на носилках. Поражённый Аффоний, испытывая мучительную боль, в сознании своего греха обратился с молитвой к ненавидимому им дотоле Иисусу и был тотчас исцелён. Он не замедлил принять христианство и исповедать его пред своими бывшими единоверцами, за что и принял от них мученическую кончину. Так попытка оскорбить честь Богоматери послужила к Её большому прославлению.

Враги Христовы не решились больше тогда грубою силою проявлять своё непочтение к телу Пречистой, но злоба их не прекратилась. Видя, что христианство всюду распространяется, они начали распространять про христиан разные гнусные клеветы. Не пощадили они и имя Матери Христовой и выдумали, будто Иисус из Назарета происходил из низкой и безнравственной среды, и Мать Его дружила с одним римским солдатом.

Но ложь была здесь слишком очевидная, чтобы эта выдумка могла привлечь к себе серьёзное внимание. Всю семью Обручника Иосифа и Саму Марию хорошо знали современные им жители Назарета и его окрестностей. "Откуда Сему премудрость сия и силы? Не Сей ли есть тектон, сын тектонов, Иосифов, сын Мариин, брат же Иакову и Иосии, и Иуде, и Симону? И не сестры ли Его zde суть в нас?" говорили Его соотечественники в Назарете, когда Христос обнаружил перед ними в синагоге Свою неземную мудрость. (Мф. 13, 54-55; Мк. 6, 3; Лк. 4, 22). В маленьких городках хорошо известны семейные подробности каждого; за чистотой брачной жизни тогда весьма строго наблюдали.

Неужели бы к Иисусу с уважением относились, позволяли проповедовать в синагоге, если бы Он был рождён от незаконного сожителства? К Марии был бы применён закон Моисеев, повелевавший побивать камнями подобных лиц; фарисеи не раз бы воспользовались случаем упрекнуть Христа за поведение Его Матери. А между тем было обратное, Мария пользовалась большим уважением, в Кане была почётною гостьей на свадьбе, и даже, когда осудили Сына Её, никто не позволил себе высмеивать или порицать Его Мать.

### **III. Попытки евреев и еретиков опорочить Приснодевство Марии**

Еврейские клеветники скоро убедились, что опорочить Мать Иисуса почти невозможно, и на основании тех сведений, которыми они сами располагают, гораздо легче доказать Её похвальную жизнь. Поэтому они оставляют эту свою клевету, уже подхваченную было язычниками (Ориген. Против Цельса, I), и стараются доказать по крайней мере, что Мария не была девою, когда рождала Христа. Они говорят даже, что и предсказания о рождении

Мессии Девую никогда не существовало, что поэтому совершенно напрасно христиане думают возвысить Иисуса тем; что будто на Нём исполнилось пророчество.

Нашлись еврейские переводчики (Акила, Симах, Феодотион), которые составили новые переводы Ветхого Завета на греческий язык и в них они известное пророчество Исаии перевели: "Вот, молодая женщина зачнёт" (Ис. 7, 14); они утверждали, что еврейская речь "*аалма*" означает молодую женщину, а не деву, как стояло в священном переводе 70 толковников, где это место переведено "Се Дева во чреве примет".

Новым переводом хотели показать, что христиане на основании неправильного перевода слова "*аалма*" думают приписать Марии совершенно невозможное - рождение без мужа, в то время как в действительности Христово рождение ничем не отличается от остальных человеческих рождений.

Однако злонамеренность новых переводчиков ясно обнаружилась, так как из сличения разных мест Библии ясно видно, что слово "*аалма*" означает именно "дева". Да и не только евреи, но и язычники на основании своих преданий и разных предсказаний ожидали, что Избавитель мира родится от Девы. Евангелие ясно говорило, что Господь Иисус родился от Девы.

"Како будет сие, идеже мужа не знаю", спрашивала давшая обет девства Мария у Архангела Гавриила, благовестившего Ей о рождении Христа.

И ответил Ангел: "Дух Святыи найдет на Тя и сила Вышняго осенит Тя; темже и раждаемое Свято наречется Сын Божий" (Лк. 1, 34-35).

Позднее Ангел явился к праведному Иосифу, который захотел отпустить из дому Марию, зная что Она зачала, не вступая с ним в брачное сожительство. Иосифу Архангел Гавриил сказал: "Не убойся прияти Мариам, жены твоея, рождшеебоя в Ней от Духа есть Свята", и напомнил ему пророчества Исаии о зачатии Девую (Мф. 1, 18-25).

Прозябший Ааронов жезл, камень без рук отторгнувшийся от горы, виденный Навуходоносором во сне, истолкованном пророком Даниилом, затворенные врата, виденные пророком Иезекиилем, и многое другое в Ветхом Завете прообразовало рождение Девую. Подобно тому, как Адам был сотворён Словом Божиим из необделанной и девственной земли, так и Себе Слово Божие создало плоть от девственной утробы, когда Сын Божий сделался новым Адамом, чтобы исправить грехопадение первого Адама (Св. Иринеи Лионский, кн. III).

Отвергать бессеменное рождение Христа могут и могли лишь отвергающие Евангелие, а Христова Церковь искони исповедует Христа "воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы". Но рождение Бога от Приснодевы явилось камнем преткновения для тех людей, которые желали называться христианами, но не желали смириться умом и ревновать о чистоте жизни. Чистая жизнь Марии явилась укором для тех, которые нечисты и в своих помыслах. Чтобы показаться христианами, они не смели отрицать, что Христос родился от Девы, но стали утверждать, что Мария оставалась Девую лишь "*дондеже* роди сына Своего первенца Иисуса".

"После рождения Иисуса", говорил в IV веке лжеучитель Гелвидий, а также многие до и после него, "Мария вступила в супружескую жизнь с Иосифом и имела от него детей, именуемых в Евангелии братьями и сестрами Христа". Но слово "*дондеже*" не означает, что Мария оставалась Девую лишь до известного времени. Слово "*дондеже*" и ему

подобные часто означают вечность. В Священном Писании говорится о Христе: "Возсияет во днех Его правда и множество мира, *дондеже* отыметя луна" (Пс. 71, 7), но это не означает, что когда не станет луны при кончине света, не станет правды Божией; тогда-то именно она восторжествует. Или что значит сказанное: "подобает Ему царствовать, *дондеже* положит вся враги под ногама Своима"? Неужели Господь имеет царствовать лишь столько времени, пока враги Его не будут под ногами Его! И Давид в четвёртом псалме степеней говорит: "яко очи рабыни в руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу нашему, *дондеже* ущедрит ны". Итак, пророк будет иметь очи ко Господу до тех пор, пока не испросит милости, а испросивши милость, обратит на землю? (Блаж. Иероним. О Приснодевстве Блаженной Марии; 1 Кор. 15, 25; Пс. 122, 2). Спаситель в Евангелии говорит апостолам: "Се аз с вами есмь во вся дни до скончания века". Итак, по скончании века Господь отступит от учеников Своих, и тогда, когда они на двенадцати престолах будут судить двенадцать колен израильских, они не будут иметь обещанного общения с Господом? (Блаж. Иероним. Там же; Мф. 28, 20).

Неправильно также думать, будто братья и сестры Христовы были детьми Его Пресвятой Матери. Названия "*брат*" и "*сестра*" имеют самое различное значение. Обозначая известное родство между людьми или их духовную близость, эти слова употребляются то в более широком, то в более узком смысле. Во всяком случае братьями или сестрами называются люди, имеющие общих отца и мать, или только общего отца или мать, даже происходящие от разных отцов и матерей, если их родители позднее (овдовевши) сочетались браком (сводные братья), или же, если их родители связаны близкими степенями родства (братья двоюродные).

Из Евангелия нигде не видно, чтобы названные там братья Иисусовы были или считались детьми Его Матери. Наоборот, было известно, что Иаков и другие были сыновьями Иосифа, Обручника Марии, который был вдов и от первой жены имел детей. (Св. Епифаний Кипрский. Панарион о ереси, 78). Также и сестра Матери Его, Мария Клеопова, которая с Нею стояла у креста Господня (Ин. 19, 25), также имела детей, которые с полным правом, в виду столь близкого родства, могли называться братьями Господними. Что, так называемые, братья и сестры Господни не были детьми Его Матери, ясно видно из того, что Господь поручил перед смертью Свою Мать возлюбленному Своему ученику Иоанну. Для чего бы Он это делал, если б Она имела ещё детей, кроме Него? Они бы сами позаботились о Ней. Сыновья же Иосифа, мнимого отца Иисусова, не считали себя обязанными заботиться о своей, как они думали, мачехе, или, во всяком случае, не питали к ней такой любви, с какой относятся родные дети к родителям, и которую возымел к Ней усыновлённый Иоанн.

Таким образом, внимательное изучение Священного Писания с полной ясностью обнаруживает несостоятельность возражений против Приснодевства Марии и посрамляет тех, кто учит иначе.

## **IV. Несторианская ересь, провозгласившая Богородицу только Христородицею, и III Вселенский Собор**

Когда должны были замолчать те, кто дерзал говорить против святости и непорочности Пресвятой Девы Марии, тогда была сделана попытка разрушить почитание Её как **Божией Матери**. В V веке Константинопольский архиепископ Несторий стал проповедовать, что от Марии родился лишь человек Иисус, в которого вселилось

Божество и обитало в Нём, как в храме. Он позволил сначала своему пресвитеру Анастасию, а потом и сам начал, открыто поучать в церкви, что Марию нельзя называть Богородицей, так как Она не родила Богочеловека. Он считал унижительным для себя поклоняться Младенцу, обвитому пеленами и лежащему в яслях.

Такие проповеди вызвали всеобщее смущение и беспокойство за чистоту веры сначала в Константинополе, а потом и во всех других местах, куда дошли слухи о новом учении. Св. Прокл, ученик Иоанна Златоустого, бывший тогда епископом Кизическим, а впоследствии архиепископом Царьградским, в присутствии Нестория произнёс в церкви проповедь, в которой исповедовал Сына Божия, родившегося плотью от Девы, которая воистину есть Богородица, ибо уже во чреве Пречистой, во время зачатия, Божество соединилось с зачатым от Святого Духа Младенцем, Который хотя лишь человеческою Своею природою родился от Девы Марии, но родился уже истинным Богом и истинным человеком.

Несторий упорствовал и не соглашался изменить своё учение, говоря, что нужно отличать Иисуса и Сына Божия, что Марию нужно называть не Богородицею, а Христородицею, так как Иисус, родившийся от Марии, был лишь человек - Христос (что значит Мессия, помазанник), подобный прежним помазанникам Божиим - пророкам, только превосходивший их полнотою общения с Богом. Учение Нестория, таким образом, являлось отрицанием всего домостроительства Божия, ибо если от Марии родился лишь человек, то не Бог пострадал за нас, а человек.

Святой Кирилл, архиепископ Александрийский, узнав об учении Нестория и церковных нестроениях, вызванных им в Константинополе, написал письмо Несторию, в котором убеждал его держаться того учения, которое Церковь исповедовала от своего основания, и не вводить в него ничего нового. Кроме того, св. Кирилл писал клиру и народу константинопольскому, чтобы были тверды в православной вере и не боялись гонений со стороны Нестория на тех, кто не был согласен с ним. Сообщил св. Кирилл обо всем и в Рим, св. папе Келестину, который со всей своей паствой был тогда твёрд в Православии.

Св. Келестин со своей стороны писал Несторию и призывал его проповедовать православную, а не свою собственную веру. Несторий оставался глух ко всем убеждениям и отвечал, что то, что он проповедует, и есть православная вера, а его противники - еретики. Св. Кирилл ещё писал Несторию и составил 12 анафематств, т.е. изложил в 12-ти членах главные отличия православного учения от проповедуемого Несторием, признавая отлучённым от Церкви всякого, который отвергал хотя один из составленных им членов.

Несторий отверг целиком всё, изложенное св. Кириллом, и написал своё изложение проповедуемого им учения, также в 12-ти членах, предавая анафеме, т.е. отлучению от Церкви, каждого, кто их не примет. Опасность за чистоту веры всё возрастала. Св. Кирилл написал письма Царю Феодосию Малому, тогда царствовавшему, его жене Евдокии и сестре Пульхерии, прося их также позаботиться о церковных делах и обуздать ересь.

Решено было созвать Вселенский Собор, на котором иерархи, собранные с разных концов вселенной, решили бы, православна ли вера, проповедуемая Несторием. Местом Собора, бывшего III Вселенским, был избран ими город Ефес, в котором некогда имела пребывание Пресвятая Дева Мария с апостолом Иоанном Богословом. Св. Кирилл собрал своих соепископов в Египте и вместе с ними на кораблях поехал в Ефес.

Из Антиохии сухим путем поехали Иоанн, архиепископ Антиохийский с восточными епископами. Римский епископ св. Келестин не мог сам ехать и просил св. Кирилла защищать православную веру, а кроме того ещё от себя послал двух епископов и

пресвитера Римской Церкви Филиппа, которым тоже дал указания, что нужно говорить. В Ефес прибыли также Несторий и епископы Константинопольского округа, епископы Палестинские, Малоазийские и Кипрские.

В десятые июльские календы по римскому исчислению, т.е. 22 июня 431 года, в Ефесской церкви Девы Марии собрались епископы во главе с Александрийским епископом Кириллом и Ефесским епископом Мемноном и заняли места. В середине было положено Евангелие, как знак невидимого возглавления Вселенского Собора Самим Христом. Сначала прочитали Символ веры, составленный I и II Вселенскими Соборами, затем доставленную представителем Царей Феодосия и Валентина, Императоров Восточной и Западной частей Империи, Царскую грамоту Собору.

Выслушавши Царскую грамоту, приступили к чтению документов и прочитали предшествовавшие Собору послания Кирилла и Келестина Несторию и ответы Нестория. Собор устами своих членов признал учение Нестория нечестивым и осудил его, признав Нестория лишенным кафедры и священства. Было составлено об этом постановление, подписанное около 160 участниками собора, а так как некоторые из них представляли и других епископов, не имевших возможности лично прибыть на собор, то определение собора явилось решением свыше 200 епископов, имевших кафедры в разных краях тогдашней Церкви, причем они свидетельствовали, что исповедуют ту веру, которая искони содержалась в их местах.

Таким образом, постановление Собора было голосом Вселенской Церкви, с ясностью выразившей свою веру, что Христос, рожденный от Девы, есть истинный Бог вочеловечившийся, а поелику Мария родила совершенного человека, бывшего в то же время совершенным Богом, Она справедливо должна почитаться Богородицею.

По окончании заседания постановление его было немедленно сообщено ожидавшему его народу. Весь Ефес возликовал узнавши, что защищено почитание Святой Девы, особенно чтимой в этом городе, жительницей которого Она была во время земной жизни, и покровительницей после перехода в вечную. Народ восторженно приветствовал Отцов, вечером возвращавшихся к себе после заседания, провожал их до домов с зажжёнными факелами и воскурял на улицах благоухание. Всюду слышалось радостное приветствие, прославление Приснодевы и восхваление Отцов, защитивших Её имя от еретиков. Постановление Собора было развешено на улицах Ефеса.

Собор имел ещё 5 заседаний: 10 и 11 июня, 16, 17 и 22 июля и 31 августа. На них в 6-ти правилах были изложены меры воздействия против тех, кто дерзнет распространять учение Нестория и отменять постановления Ефесского Собора.

По жалобе Кипрских епископов на притязания Антиохийского епископа Собор определил, чтобы Кипрская Церковь сохраняла свою независимость в церковном управлении, которую имела от апостолов, и вообще никто из епископов не подчинял бы себе областей, которые были независимы от него прежде, "чтобы под предлогом священства не вкралась гордость земной власти, и чтобы мы не утратили, погубляя мало по малу, той свободы, которую даровал нам Своею кровию Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков".

Собор также подтвердил осуждение пелагиевой ереси, учившей, что человек может спастись своими силами, без необходимости иметь Божию благодать, решил некоторые дела церковного управления и обратился с посланиями к епископам, не бывшим на Соборе, возвещая свои постановления и призывая всех стоять на страже православной

веры и церковного мира. При этом Собор признал, что учение Православной Вселенской Церкви достаточно полно и ясно изложено в Никео-цареградском Символе веры, почему и сам не составил нового Символа веры и воспретил впредь "слагать иную веру", т. е. составлять иные символы веры или делать изменения в Символе, утверждённом на Втором Вселенском Соборе.

Последнее было нарушено через несколько веков западными христианами, когда сначала в отдельных местностях, а потом и во всей Римской Церкви была сделана в Символ добавка, что Дух Святой исходит "и от Сына", каковую добавку одобряют с XI века Римские папы, хотя до этого времени их предшественники, начиная со св. Келестина, твердо держались решения Ефесского Собора, бывшего III Вселенским, и исполняли его.

Так водворился в Церкви мир, нарушенный Несторием. Была защищена истинная Вера, и обличено лжеучение.

Ефесский Собор по справедливости почитается Вселенским, наравне с предшествовавшими ему Никейским и Царьградским. На нём присутствовали представители всей Церкви, его решения были приняты всей Церковью "от конца до конца вселенная", на нём было исповедано то учение, которое содержалось Церковью от времён апостольских. Собор не создал нового учения, но громогласно засвидетельствовал истину, которую пытались заменить вымыслом; он точно изложил исповедание Божества Христа, рождённого от Девы. Верование Церкви и её суждение по затронутому вопросу были теперь так ясно выражены, что никто не мог больше приписывать Церкви своих лжеумствований. Могли подниматься в дальнейшем другие вопросы, требующие решения всей Церкви, но не о том, был ли Иисус Христос Богом.

Последующие Соборы основывались в своих решениях на постановлениях, им предшествовавших, не составляли нового Символа веры и лишь разъясняли его. На III Вселенском Соборе твердо и ясно исповедано учение Церкви о Божией Матери. Прежде святыми отцами были обличены клеветавшие на непорочную жизнь Девы Марии, а теперь об умаляющих Её честь всем возвещалось: "Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и посему Святую Деву Богородицею, так как Она во плоти родила Слово, сущее от Бога Отца, ставшее плотью: да будет анафема" (отлучён от Церкви - 1-ое анафематство св. Кирилла Александрийского).

## **V. Попытки иконоборцев уменьшить славу Царицы Небесной и их посрамление**

После III Вселенского Собора ещё ревностнее стали прибегать христиане, как в Царьграде, так и в других местах, к предстательству Божией Матери, и их надежды на Её заступление не оказывались напрасными. Она являла Свою помощь многочисленным больным, беспомощным и бедствующим. Она многократно являлась защитницей Царьграда от врагов внешних, однажды даже показав видимым образом преподобному Андрею юродивому Свой дивный Покров над народом, молившимся ночью во Влахернской церкви.

Царица Небесная давала победу Византийским Царям во бранях, почему те имели обычай брать с собою в походы Её икону Одигитрии (Путеводительницы). Она укрепляла подвижников и ревнителей христианской жизни в их борьбе со страстями и слабостями

человеческими. Она просвещала и наставляла отцов и учителей Церкви, в том числе и самого св. Кирилла Александрийского, когда он колебался признать невинность и святость Иоанна Златоустого.

Пречистая Дева влагала песни в уста составителей церковных песнопений, иногда делая знаменитыми певцами неспособных и не имевших песенного дара, но благочестивых тружеников, как, например, св. Романа Сладкопевца. Удивительно ли поэтому, что христиане старались возвеличить имя Своей всегдашней Заступницы. В Её честь устанавливались праздники, Ей посвящались дивные песни, Её изображения почитались.

Злоба "князя мира сего" вооружила "сынов отступления" ещё раз поднять брань против Еммануила и Его Матери в том же Царьграде, почитавшем теперь, как и прежде Ефес, Божию Матерь своею Заступницей. Не смея сначала открыто говорить против Взбранной Воеводы, хотели уменьшить Её прославление тем, что запретили почитать иконы Христа и Его угодников, называя это идолопоклонством. Богоматерь и здесь укрепляла ревнителей благочестия в борьбе за почитание образов, явив многие знамения от Своих икон и исцелив отсечённую руку писавшего в защиту икон Иоанна Дамаскина.

Гонение почитателей икон и святых окончилось опять победою и торжеством Православия, ибо почтение, воздаваемое иконам, восходит к изображаемым на них; святые же угодники Божии чтутся как друзья Божии, ради благодати Божией, вселившейся в них согласно словам псалма "мне же зело честни быша друзи Твои". Особенной частью на небе и на земле прославлена Пречистая Богоматерь, даже в дни поругания святых икон явившая через них настолько дивные чудеса, что и теперь мы с умилением вспоминаем о них. Песнь "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь" и икона "Троеручица" напоминают об исцелении Иоанна Дамаскина перед этой иконой; изображение Иверской иконы Божией Матери - о чудесном спасении от врагов этой иконы, брошенной в море вдовицей, не могшей спасти её.

Никакие гонения на чтущих Богоматерь, и всё, что связано с памятью о Ней, не смогли уменьшить любовь христиан к своей Заступнице. Установилось правило, что каждый ряд богослужбных песен оканчивается песней или стихом в честь Богоматери (так называемым Богородичным). Многократно в году христиане в разных концах вселенной собираются, как и прежде собирались, в храме, чтобы восхвалить Её, поблагодарить за оказанные благодеяния и испросить милости.

Но супостат христиан диавол, который "яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити" (1 Пет. 5, 8), разве мог остаться равнодушным зрителем славы Пренепорочной? Разве он мог признать себя побеждённым и перестать вести борьбу с истиной через людей, творящих его волю? И вот, когда вся вселенная огласилась благовестием Христовой веры, когда всюду призывалось имя Пресвятой, земля наполнилась храмами, дома у христиан украшались Её иконами, Ей посвящёнными, тогда появилось и начало распространяться новое лжеучение о Богоматери. Это лжеучение тем опасно, что многие не могут сразу понять, насколько оно подрывает истинное почитание Богоматери.

## **VI. "Ревность не по разуму" (Рим 10, 2)**

**Извращение латинянами в новоизмышленном догмате "Непорочного зачатия" истинного почитания Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии**



Когда обличены были порицающие непорочную жизнь Пресвятой Девы, отрицающие Её Приснодевство, отрицающие Её достоинство Божией Матери, гнушающиеся Её икон - тогда, когда слава Богородицы осветила всю вселенную, тогда появилось учение, как будто возвышающее высоко Деву Марию, а в действительности отвергающее *все* Её добродетели.

Это учение называется учением о непорочном зачатии Девы Марии, а приняли его последователи римского папского престола. Оно состоит в том, что "Преблагословенная Дева Мария в первом мгновении Своего зачатия, по особенной благодати Всемогущего Бога и особому преимуществу, ради будущих заслуг Иисуса Христа, Спасителя рода человеческого, была сохранена свободно от всякой скверны первородной вины" (Булла папы Пия IX о новом догмате). Другими словами, Божия Матерь при самом зачатии была сохранена от первородного греха и благодатию же Божией была поставлена в невозможность иметь личные грехи.

Христиане не слышали про это до IX века, когда впервые Корвейский аббат Пасхазий Радберт высказал мнение, что Святая Дева была зачатой без первородного греха. Начиная от XII века эта мысль начинает распространяться среди духовенства и паствы западной церкви, уже отпавшей от Вселенской Церкви, и тем лишившейся благодати Святого Духа.

Впрочем, и члены римской церкви далеко не все соглашались с новым учением. Разделились в мнениях даже знаменитые богословы Запада, так сказать, столпы латинской церкви. Фома Аквинат и Бернард Клервосский решительно порицали его, в то время как Дунс Скотт его защищал. От учителей разделение перешло к их ученикам: латинские монахи доминиканцы, за своим учителем Фома Аквинатом, проповедовали против учения о непорочном зачатии, а последователи Дунса Скотта - францисканцы старались его всюду насадить. Борьба между этими двумя течениями продолжалась в течение нескольких веков. И на одной и на другой стороне были личности, считавшиеся среди католиков величайшими авторитетами.

Не помогало решению вопроса то, что некоторые сообщали, что имеют о сём откровение свыше. Знаменитая в XIV веке среди католиков монахиня Бригитта в своих записках говорила о явлениях ей Богородицы, Которая Сама ей сказала, что Она зачата непорочно, без первородного греха; а ещё более знаменитая современная ей подвижница Екатерина Сиенская утверждала, что в зачатии Святая Дева была причастна первородному греху, откровения же она получает от Самого Христа (Прот. Ал. Лебедев. Разности в учении о Пресвятой Богородице Церкви Восточной и западной).

Таким образом, ни на основании богословских сочинений, ни на основании чудесных явлений, взаимно противоречащих, латинская паства не могла разобраться долгое время, где же истина. Римские папы до Сикста IV (конец XV века) оставались в стороне от этих споров, только сей папа в 1475 году одобрил службу, в которой ясно выражалось учение о непорочном зачатии, а несколько лет спустя воспретил осуждать тех, кто верует в непорочное зачатие. Однако и Сикст IV не решился ещё утверждать, что таково есть непоколебимое учение Церкви, почему, запретив осуждать тех, кто верует в непорочное зачатие, он не осуждал и тех, кто верует иначе.

Учение о непорочном зачатии тем временем приобретало всё больше сторонников среди членов римско-католической церкви. Причиной этому было то, что казалось весьма благочестивым и угодным Богоматери воздавать Ей как можно больше славы. Стремление народа прославить Небесную Заступницу, с одной стороны, а с другой стороны,

уклонение западных богословов в отвлечённые рассуждения, приводящие к лишь кажущейся истине (схоластика), наконец, покровительство римских пап, после Сикста IV - всё это привело к тому, что мнение о непорочном зачатии, высказанное Пасхазием Радбертом в IX веке, было уже всеобщим верованием латинской церкви в XIX веке. Оставалось лишь окончательно это провозгласить церковным учением, что и сделал римский папа Пий IX, во время торжественного служения 8 декабря 1854 года объявивший, что непорочное зачатие Пресвятой Девы есть догмат римской церкви.

Таким образом, римская церковь прибавила ещё одно отступление от того учения, которое исповедовала, пока была членом Соборной Апостольской Церкви, каковую веру нерушимо и без перемен и доселе содержит Православная Церковь. Провозглашение нового догмата удовлетворило широкие круги народа, принадлежащего к римской церкви, в простоте сердца думавшего, что провозглашение нового учения в Церкви послужит к вящей славе Богоматери, Которой они этим как бы делают подарок; было удовлетворено честолюбие западных богословов, защищавших и разработавших его; а больше всего провозглашение нового догмата принесло пользу самому римскому престолу, так как, провозгласивши новый догмат своей властью, хотя и выслушав мнения епископов католической церкви, римский папа тем самым открыто присвоил себе право изменять учение римской церкви и поставил свой голос выше свидетельства Священного Писания и Предания. Отсюда прямым выводом было, что римские папы непогрешимы в делах веры, что тот же папа Пий IX также провозгласил догматом католической церкви в 1870 году.

Так изменялось учение западной церкви, отпавшей от общения с истинной Церковью. Она вводит у себя новые и новые учения, думая тем больше прославить истину, а в действительности искажая её. В то время как Православная Церковь смиренно исповедует то, что прияла от Христа и апостолов, римская церковь дерзает дополнять это, то из "ревности не по разуму" (Рим. 10, 2), то уклоняясь в суесловия и прекословия лжеименного разума (1 Тим. 6, 20). Иначе и не могло быть; что "врата адовы не одолеют Церкви", (Мф. 16, 18), обещано лишь истинной, Вселенской Церкви, а над отпавшими от неё сбываются слова: "якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете". (Ин. 15, 4).

Правда, в самом определении нового догмата говорится, что не устанавливается новое учение, а лишь провозглашается как церковное, то, которое всегда существовало в Церкви, которого держались многие святые отцы, выдержки из творений коих приводятся. Однако все приведённые изречения говорят лишь о высокой чести Девы Марии, Её непорочности, дают Ей многие имена, определяющие Её чистоту и духовную мощь, но нигде не говорится о непорочности в зачатии. Между тем, те же святые отцы в других местах говорят, что лишь Иисус Христос совершенно чист от всякого греха, все же люди как рождённые от Адама носили плоть подверженную закону греха.

Никто из древних святых отцов не говорит, что Бог чудесным образом ещё в утробе очистил Деву Марию, а многие прямо указывают, что Дева Мария, как и все люди, претерпела борьбу с греховностью, но явилась победительницей над соблазнами и спасена Своим Божественным Сыном.

Толкователи латинского вероисповедания также говорят, что Дева Мария спасена Христом, но понимают это так, что Мария была предохранена от скверны первородной вины в виду будущих заслуг Христовых (Буллы о догмате непорочного зачатия). Дева Мария, по их учению, как бы впредь получила тот дар, который Христос принёс людям Своими страданиями и крестной смертью. Больше того. Говоря о муках Богородицы, которые Она претерпела, стоя при кресте Своего возлюбленного Сына, и вообще о тех

печaliaх, которыми была исполнена жизнь Богоматери, они считают их дополнением к страданиям Христовым, а Марию нашей Соискупительницей. По толкованию латинских богословов "Мария сообщна нашему Искупителю, как Соискупительница" (См.: Лебедев. Там же, с. 273) "В делах искупления Она некоторым образом помогала Христу" (Катехизис д-ра Ваймара). "Матерь Божия, - пишет д-р Ленц, - не только мужественно перенесла бремя Своего мученичества, но и с радостью, хотя и с разбитым сердцем" (Мариология д-ра Ленца). По сей причине Она есть "дополнение Св. Троицы", а "как Сын Её есть единственный Посредник, избранный Богом между Его оскорблённым величием и грешниками-людьми, так точно главная Посредница, поставленная Им между Сыном и нами, есть Препоблагословенная Дева". "Тремя отношениями: Дочери, Матери и Супруги Бога, Святая Дева возвышена до некоторого равенства с Отцом, до известного превосходства над Сыном, до известной близости к Святому Духу" ("Непорочное зачатие". Малу, еп. Бругес).

Таким образом, по учению представителей латинского богословия, Дева Мария в деле искупления становится рядом с Самим Христом и возвышается почти до равенства с Богом. Дальше идти некуда. Если всё это ещё не оформлено окончательно, как догмат римской церкви, то римский папа Пий IX, сделав в отношении этого первый шаг, указал направление для дальнейшего развития общецерковно признанного вероучения своей церкви, косвенно подтвердив приведённое учение о Деве Марии.

Так, римская церковь в своём стремлении возвысить Пресвятую Деву идёт по пути полного обожествления Её, и если уже сейчас её авторитеты называют Марию дополнением Святой Троицы, то скоро можно дожидаться, что Деву будут почитать, как Бога.

На тот же путь стала и группа мыслителей, принадлежащих пока ещё к Православной Церкви, но строящих новую богословскую систему, положив в основу её философское учение о Премудрости Софии, как об особой силе, связующей Божество и творение. Также развивая учение о достоинстве Богоматери, они хотят видеть в Ней существо, являющееся чем-то средним между Богом и человеком. По некоторым вопросам они умереннее латинских богословов, но по другим, пожалуй, уже опередили их. Отрицая учение о непорочном зачатии и свободе от первородного греха, они, однако же, учат о полной свободе Её от всяких личных грехов, видя в Ней посредницу между людьми и Богом, подобную Христу: в лице Христа явилось на земле Второе Лицо Святой Троицы, Превечное Слово, Сын Божий, а Дух Святой является через Деву Марию.

По словам одного из представителей этого течения, со вселением Святаго Духа Мария приобрела "двуединую жизнь, человеческую и Божескую, т. е. совершенно обожается, почему в Своём ипостасном бытии является живым тварным откровением Духа Святаго" (Прот. Сергей Булгаков. Неопалимая Купина, изд. 1927 г., с. 154), "есть совершенное явление Третьей Ипостаси", (там же, с. 175), "тварь, но уже и не тварь" (там же, с. 191). Это стремление к обожению Богоматери наблюдается преимущественно на Западе, в то самое время, как там, с другой стороны, имеют широкий успех разные секты протестантского характера вместе с главными ветвями протестантизма: лютеранством и кальвинизмом, вообще отрицающие почитание Божией Матери и Её молитвенное призывание.

Но можем сказать словами святого Епифания Кипрского: "одинаковый вред в обеих этих ересьях, и когда унижают Деву, и когда, напротив, прославляют Её сверх должного" (Св. Епифаний Кипрский. Панарион, против Колларидиан). Святой отец обличает тех, которые воздают Ей почти Божеское поклонение: "В чести да будет Мария, поклоняем же да будет

Господь" (Там же). "Хотя Мария есть сосуд избранный, однако женщина по природе ничем от других не отличающаяся. Хотя история Марии и Предание сообщает, что отцу Её Иоакиму сказано было в пустыне: "жена твоя зачала", однако это совершилось не без союза брачного и не без семени мужа" (Св. Епифаний Кипрский. Против Колларидиан). "Сверх должного не должно почитать святых, но чтить Владыку их. Мария не Бог и не с неба получила тело, но от совокупления мужа и жены, и по обетованию, как Исаак, предуготована к участию в домостроительстве Божиим. Но, с другой стороны, никто да не дерзает и безумно оскорблять Святую Деву". (Св. Епифаний. Против Антидикомарионитов).

Православная Церковь, высоко превознося Богородицу в своих хвалебных песнях, не дерзает приписывать Ей то, что не сообщено о Ней Священным Писанием или Преданием. "Истина чужда всех преувеличений и умалений: она всему дает подобающую меру и подобающее место". (Еп. Игнатий Брянчанинов). Прославляя непорочность Девы Марии и мужественное перенесение скорбей в Её земной жизни, отцы Церкви отвергают, однако же, мысль, что Она явилась посредницей между Богом и людьми в смысле совместного искупления Ими человеческого рода. Говоря о готовности Её умереть вместе с Сыном Её и с Ним вместе страдать ради общего спасения, знаменитый отец Западной Церкви святой Амвросий, епископ Медиоланский, добавляет: "Но страдание Христово не нуждалось в помощи, как Сам Господь предсказал о том задолго раньше: и возрех, и не бе помощника, и помыслих, и никтоже заступи, и избави я мышца Моя" (Ис. 63, 5; Св. Амвросий. О воспитании Девы и Приснодевстве Святой Марии, гл. 7).

Тот же святой отец учит о всеобщности первородного греха, из чего исключением является один Христос. "Из всех рожденных женами нет ни одного совершенно святого, кроме Господа Иисуса Христа, Который, по особому новому образу непорочного рождения, не испытал земного повреждения". (Св. Амвросий. In Luc., cap. II). "Один только Бог без греха. Обыкновенно, все рождаемые от жены и мужа, т. е. плотского союза, бывают повинны греху. Следовательно, кто не имеет греха, тот не был и зачат таким образом". (Св. Амвросий. Ar. Aug. de purcia et conspersione). "Один только человек, Ходатай Бога и человеков, свободен от уз греховного рождения, потому что Он родился от Девы и потому, что рождаясь, не испытал приражения греха". (Св. Амвросий. Против Иулиана, кн. 2).

Другой знаменитый учитель Церкви, особенно почитаемый на Западе, блаженный Августин пишет: "Что касается до других людей, исключая Того, Кто есть краеугольный камень, я не вижу для них другого средства соделаться храмами Божиими и быть для Бога жилищем кроме духовного возрождения, которому необходимо предшествует рождение плотское. Таким образом, как бы мы ни думали о детях, находящихся в утробе матери, хотя бы слово святого Евангелиста, который говорит об Иоанне Крестителе, что он выигрался радостью во чреве матернем (что произошло не иначе, как по действию Святаго Духа), или слова Самого Господа сказанные Иеремии: "Я освятит тебя прежде, чем ты вышел из чрева матери" - давали или не давали нам основание думать, что дети в этом состоянии способны к некоторому освящению; но во всяком случае несомненно, что то освящение, по которому все мы вместе и каждый в особенности бываем храмом Божиим, возможно только для возрождённых и что возрождение предполагает всегда рождение. Только те, которые уже родились, могут соединиться со Христом и быть в союзе с этим Божественным телом, которое делает Его Церковь живым храмом величия Божия" (Блаженный Августин. Письмо 187).

Приведенные слова древних учителей Церкви свидетельствуют, что на самом Западе учение, ныне там распространяемое, отвергалось и там прежде. Даже после отпадения Западной Церкви, признаваемый там великим авторитетом **Бернард** писал:

"Ужасаюсь, видя, что ныне некоторые из вас возжелали переменить состояние важных вещей, вводя новое празднество, неведомое Церкви, неодобряемое разумом, неоправдываемое древним Преданием. Ужели мы более сведущи и более благочестивы, нежели отцы наши?.. Вы скажете, должно как можно более прославлять Матерь Господа. Это правда; но прославление, воздаваемое Царице Небесной, требует различия. Царственная сия Дева не имеет надобности в ложных прославлениях, обладая истинными венцами славы и знаменами достоинства. Прославляйте чистоту Её плоти и святость Её жизни. Удивляйтесь обилию даров сей Девы; поклоняйтесь Её Божественному Сыну; возносите Ту, которая зачала, не зная похоти, и родила, не зная болезни. Что же ещё нужно прибавить к сим достоинствам? Говорят, что должно почитать зачатие, которое предшествовало славному рождению; ибо если бы не предшествовало зачатие, то и рождение не было бы прославлено. Но что сказать, если бы кто-нибудь по той же самой причине потребовал такого же чествования отца и матери Святой Марии. Равно могут потребовать того же для Её дедов и прадедов - до бесконечности. При том же, каким образом грех не мог быть там, где была похоть. Тем более пусть не говорят, что Святая Дева зачалась от Духа Святаго, а не от человека; я утвердительно говорю, что Дух Святой сошел на Неё, а не то, что пришёл с Нею".

"Я говорю, что Дева Мария не могла быть освящена прежде Своего зачатия, поелику не существовала; если тем паче не могла быть Она освящённою в минуту Своего зачатия, по причине греха с зачатием нераздельного, то остается верить, что Она освящена после того, как зачалась во утробе Своей матери. Это освящение, если оно уничтожает грех, делает святым Её рождение, но не зачатие. Никому не дано право быть зачатым во святости. Один Господь Христос зачат от Духа Святаго, и Он один свят от самого зачатия своего. Исключая Его, ко всем потомкам Адама относится то, что один из них говорит о себе самом, как по чувству смирения, так и по осознанию истины: "се бо в беззакониих зачат есмь" (Пс. 50, 7). Как можно требовать, чтобы это зачатие было свято, когда оно не было делом Духа Святаго, не говоря уже, что оно происходило от похоти? Святая Дева отвергнет, конечно, ту славу, которая, по-видимому, прославляет грех; Она никак не оправдывает новизны, выдуманной вопреки учению Церкви, новизны, которая есть мать неблагоразумия, сестра неверия и дочь легкомыслия" (Bernard. Epist. CLXXIV. Цитировано, как и предыдущее (от блаженного Августина), из Лебедева. Разности в учении о Пресвятой Богородице Церкви Восточной и западной). Приведённые слова ясно обнаруживают как новизну, так и нелепость нового догмата римской церкви.

Учение о полной безгрешности Божией Матери:

1) Не соответствует Священному Писанию, где неоднократно говорится о безгрешности "Единого Ходатая Бога и человеков, человека Иисуса Христа" (1 Тим. 2, 5), "и греха в Нем несть", "иже греха не сотвори, ни обретеса леть во устех Его", "искушена по всяческим, по подобию, разве греха", "не ведевшаго бо греха по нас грех сотвори" (1 Ин. 3, 5; 1 Пет. 2, 22; Евр. 4, 15; 2 Кор. 5, 21), но про остальных людей сказано: "Кто чист от скверны? Никтоже, аще и един день житие его на земли" (Иов. 14, 4-5). "Составляет же свою любовь к нам Бог, яко еще грешником сущим нам Христос за ны умре... Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертию Сына Его, множае паче примирившися, спасемся в животе Его" (Рим. 5, 8-10).

2) Противоречит это учение и Священному Преданию, содержащемуся во многочисленных святоотеческих творениях, где говорится о высокой святости Девы Марии от самого Её рождения и об очищении Её Духом Святым при зачатии Ею Христа, но не при собственном Её зачатии Анною. "Ни один есть чист пред Тобою от скверны, ниже еще один день живота его есть, разве Ты точию един на земле явивыйся безгрешный Господь наш Иисус Христос. Имже вси уповаем милость получитьи и оставление грехов", говорит Василий Великий (молитва вечерни Пятидесятницы). "Но когда Христос пришёл через чистую, девственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную Матерь без брака и без отца, и поелику Ему надлежало родиться, очистил женское естество, отринув горькую Еву и отверг плотские законы", добавляет св. Григорий Богослов (Похвала девству). Однако, и тогда, как говорят об этом святые Василий Великий и Иоанн Златоуст, Она не была поставлена в невозможность согрешить, но продолжала заботиться о Своём спасении и победила все соблазны (св. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Иоанна, беседа 85; св. Василий Великий. Epist.: CLX).

3) Учение о том, что Божия Матерь была очищена прежде рождения, чтобы от Неё мог родиться Чистый Христос, бессмысленно, так как если Чистый Христос мог родиться только, если Дева будет очищена ещё в утробе родителей, то для того, чтоб Дева родилась чистою, нужно было бы, чтобы и Её родители были чисты от первородного греха, а они опять бы должны были родиться от очищенных родителей, и так далее идя, пришлось бы прийти к выводу, что Христос не мог бы воплотиться, если бы предварительно не были очищены от первородного греха все Его предки по плоти до самого Адама включительно; но тогда бы уже не было нужды в самом воплощении Христа, так как Христос сходил на землю, чтобы уничтожить грех.

4) Учение, что Божия Матерь была сохранена от первородного греха, как и то, что Она благодатию Божией была сохранена от грехов личных, представляет Бога немилостивым и неправедным, так как если Бог мог сохранить Марию от греха и очистить ещё до рождения, то почему же Он и других людей не очищает до рождения, но оставляет их во грехе; выходит также, что Бог спасает людей и помимо их воли, до рождения ещё предопределяя некоторых ко спасению.

5) Это учение, по-видимому имеющее целью возвысить Богоматерь, в действительности совершенно отрицает все Её добродетели. Ведь если Мария ещё во чреве матери, когда ещё не могла и пожелать чего-нибудь доброго или злого, была благодатию Божией сохранена от всякой нечистоты, потом той благодатию сохранялась от греха и после рождения, то в чем же Её заслуга? Если Она была поставлена в невозможность согрешить и не согрешила, то за что же Её Бог прославил? Если Она без всякого усилия или не имея никаких побуждений согрешить осталась чистою, то за что же Она увенчана больше всех? Победы без неприятеля не бывает.

В том и проявилась праведность и святость Девы Марии, что Она, будучи "человек подобострастен нам", так возлюбила Бога и предалась Ему, что чистотою Своею высоко возвысилась над остальным человеческим родом. За то, предуведенная и предызбранная, Она и удостоилась, что Духом Святым, нашедшим на Неё, Она была очищена и зачала от Него самого Спасителя мира. Учение о благодатной безгрешности Девы Марии отрицает Её победу над соблазнами и из победительницы, заслуженной быть увенчанной венцами славы, делает Её слепым орудием Божьего Промысла.

Не возвышение и большую славу, а унижение Её представляет тот "подарок", который поднес Ей папа Пий IX и все остальные, думающие, что могут прославить Божию Матерь отысканием новых истин. Пресвятая Мария настолько прославлена Самим Богом, так

высока Своей жизнью на земле и Своей славой на небе, что человеческие вымыслы ничего не могут прибавить к Её чести и славе. То, что люди сами измышляют, лишь затемняет от их очей Её лик. "Братие, блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе", писал Духом Святым апостол Павел (Кол. 2, 8).

Вот такую "тщетною лестию" и является учение о непорочном зачатии Анною Девы Марии, на первый взгляд возвышающее, а в самом деле унижающее Её. Как и всякая ложь, оно является семенем "отца лжи" (Ин. 8, 44) диавола, сумевшего им прельстить многих, не понимающих, что хулят Деву Марию. Вместе с ними должны быть отвергнуты и все остальные учения, проистекающие из него или сродные ему. Стремление возвысить Пресвятую Деву до равенства со Христом, придавая Её материнским мукам у креста равное значение со страданиями Христа, так что страдали одинаково Искупитель и "Соискупительница", по учению папистов, или "что человеческое существо Богоматери в небе вместе с Богочеловеком Иисусом вкупе являют полный образ человека" (Прот. С. Булгаков. Неопалимая купина, с. 141), по учению лже-софианцев (София значит Премудрость), одинаково есть тщетная лесть и прельщение философией. О Христе Иисусе "несть мужеский пол, ни женский" (Гал. 3, 28), и Христос искупил весь человеческий род, почему одинаково в Его Воскресении "ликовал Адам и радовалась Ева" (Воскресные кондаки 1-го и 3-го гласа), а Своим Вознесением Господь возвысил всё естество человеческое.

Также, что Божия Мать есть "дополнение Святой Троицы" или "четвёртая ипостась" или "Сын и Мать являют откровение Отца чрез Вторую и Третью ипостась", что Дева Мария есть "тварь, но уже и не тварь", - всё это есть плод лжеумствования, не удовлетворяющегося тем, что Церковь содержит от времен апостольских и пытающегося прославить Святую Деву больше, чем Её прославил Бог.

Сбываются слова св. Епифания Кипрского: "Некоторые безумствующие в мнении о самой Святой Приснодеве старались и стараются ставить Её вместо Бога" (св. Епифаний. Против Антидикомарионитов, ересь 78). Но в безумии приносимое Деве, вместо восхваления Её оказывается хулением, а Пренепорочная отвергает ложь, будучи Матерью Истины (Ин. 14, 6).

## **VII. Православное почитание Богоматери**

Православная Церковь содержит о Богородице то, что Священное Предание и Священное Писание сообщили о Ней, и ежедневно прославляет Её в своих храмах, прося у Неё помощи и защиты. Зная, что Ей приятны лишь те восхваления, которые соответствуют Её действительной славе, святые отцы и песнописцы у Неё Самой и у Её Сына молили вразумить их, как воспеть Её: "Огради помышления моя, Христе мой, ибо Чистую Матерь Твою воспети дерзаю" (Икос Успения). "Церковь учит, что Христос истинно родился от Марии Приснодевы" (св. Епифаний Кипрский. Истинное слово о вере). "Необходимо нам исповедовать, что Святая Приснодевственная Мария действительно есть Богородица, чтобы не впасть в злохуление. Ибо отрицающие, что Святая Дева действительно есть Богородица не суть уже верные, но ученики фарисеев и саддукеев" (Преп. Ефрем Сирин. Монаху Иоанну).

Из Предания известно, что Мария была дочь престарелых Иоакима и Анны, причём, Иоаким происходил из царственного рода Давида, а Анна - из священнического рода.

Несмотря на такое знатное происхождение, они были бедны. Однако не это печалило этих праведных людей, а то, что они не имели детей и не могли надеяться, что их потомок увидит Мессию. И вот, когда однажды, презираемые евреями за своё неплодие, они оба в горести души возносили Богу молитвы, Иоаким на горе, где уединился после того, как священник не захотел принести его жертвы в храме, а Анна у себя в саду, оплакивая своё бесплодие, тогда явился им Ангел, и сообщил, что они родят дочь. Обрадованные, они обещали посвятить своё дитя Богу.

Через 9 месяцев родилась у них дочь, названная Мариною, с раннего детства проявившая наилучшие душевные качества. Когда Ей исполнилось три года, родители, исполняя обещание, торжественно отвели в иерусалимский храм малую Марию, Которая сама взошла по высоким ступенькам, а встретившим Её Первосвященником, по откровению Божию, введена была в самое Святое Святых, совводя с Собой почивавшую на ней благодать Божию в дотоле безблагодатный храм (Кондак Введения. Это был вновь построенный храм, в который слава Божия не сходила, как в Скинию или Соломонов). Она поселилась в существовавших при храме помещениях для дев, но так много времени проводила в молитве во Святом Святых, что, можно сказать, жила в нём (Стихиры Введения, на "Господи воззвах" 2-я и на "Славу и ныне"). Украшенная всеми добродетелями, Она явила пример необычайно чистой жизни. Всем покорная и послушная, Она никого не оскорбила, никому не сказала грубого слова, ко всем была приветлива, даже не допускала скверной мысли. (Сокращенно из св. Амвросия Медиоланского. О Приснодевстве Девы Марии).

"Несмотря на праведность и непорочность жизни, которую проводила Богородица, грех и вечная смерть проявляли в Ней своё присутствие. Они не могли не проявляться: таково точное и верное учение Православной Церкви о Богоматери по отношению к первородному греху и смерти" (Епископ Игнатий Брянчанинов. Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери). "Чуждая греховного падения" (св. Амвросий Медиоланский. Толкование Пс. 118). Она не была чужда греховных искушений. "Ведь один Бог без греха" (св. Амвросий Медиоланский. Там же), а человек всегда будет иметь в себе, что нужно ещё исправить и усовершенствовать, чтобы выполнить Божию заповедь: "Святы будите, яко Аз свят есмь, Господь Бог ваш" (Лев. 19, 2). Чем чище кто и совершеннее, тем больше он замечает свои несовершенства и тем недостойнее себя считает.

Дева Мария, всю Себя отдавшая Богу, хотя и отражала от Себя всякое поползновение ко греху, сильнее других ощущала слабость человеческой природы и пламенно желала прихода Спасителя. Она в смирении почитала Себя недостойной быть и служанкой имеющей Его родить Девы. Чтобы ничто не отвлекало Её от молитвы и внимания к Себе, Мария дала Богу обет безбрачия, дабы всю Свою жизнь угождать лишь Ему. Обрученная старцу Иосифу, когда Её годы не позволяли Ей больше оставаться при храме, Она поселилась в его доме в Назарете. Здесь удостоилась Дева прихода Архангела Гавриила, благовестившего Ей о рождении от Неё Всевышнего. "Радуйся, благодатная: Господь с Тобою. Благословенна Ты в женах... Дух Святой найдет на Тя и сила Вышняго осенит Тя; темже и раждаемое Свято наречется Сын Божий" (Лк. 1, 28-35).

Смиренно и покорно приняла Мария ангельское благовестие. "Тогда же Слово, как Ему Самому известно, низошло и, как Само изволило, подвиглось, вошло в Марию и вселилось в Ней" (Преп. Ефрем Сирийский. Похвальная песнь Божией Матери). "Как молния озаряет сокровенное, так и Христос очищает сокровенное естества. Он очистил и Деву, и потом родился, чтобы показать, что, где Христос, там проявляется чистота во всей силе. Очистил Деву, предуготовив Духом Святым, и потом утроба, став чистою, зачинает Его.



Очистил Деву при Её непорочности, почему и родившись оставил Деву. Не говорю, что Мария стала бессмертною, но что, осияваемая благодатию, Она не возмущалась греховными пожеланиями." (Преп. Ефрем Сирийский. Слово на еретиков, 41). "Вселился в Неё свет, омыл Её ум, чистыми соделал Её помыслы, уцеломудрил попечения Её, освятил девство Её" (Преп. Ефрем Сирийский. Мария и Ева). "Чистую по человеческим понятиям сделал благодатно-чистой" (Епископ Игнатий Брянчанинов. Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери).

Мария не сказала никому про явление Ангела, но Ангел сам объявил Иосифу о чудесном зачатии Мариею от Духа Святаго (Мф. 1, 18-25), а по рождении Христовом со множеством воинства небесного благовестил пастырям. Пастыри, придя поклониться Новорожденному, сказали, что слышали о Нём. Прежде молча претерпевшая подозрение, Мария теперь молча слушала и "слагала в сердце Своем" слова о величии Своего Сына (Лк. 2, 8-19). Слышала Она через 40 дней хвалебную молитву Симеона и предсказание об оружии, которое пройдет чрез Её душу. После видела, как Иисус преуспевал в премудрости, слышала Его в 12 лет поучающим в храме и все "соблюдала в сердце Своем" (Лк. 2, 21-51).

Хотя и благодатная, Она ещё не вполне разумела, в чём будет состоять служение и величие Её Сына. Еврейские понятия о Мессии были Ей ещё близки, а естественные чувства заставляли Её заботиться о Нём, охраняя Его от чрезмерных, как могло казаться, трудов и опасностей. Поэтому невольно Она вначале становилась на пути Своего Сына, что и вызвало Его указание о превосходстве родства духовного над телесным (Мф. 12, 46-49). "Имел Он попечение и о чести Матери, но гораздо более об Её душевном спасении и о благе людей, для чего и плотию облекся" (Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Иоанна, беседа 12). Мария уразумела это и, "слышавши речь Божию, сохранила её" (Лк. 11, 27-28). Как ни один человек, Она возымела те же чувствования, что и Христос (Флп. 2, 5), безропотно перенесла материнскую скорбь, когда видела Своего Сына гонимым и страдающим. Обрадованная в день Воскресения, Она в день Пятидесятницы облеклась силою свыше (Лк. 24, 49). Сошедший на Неё Дух Святой "Её научил всему" (Ин. 14, 26), и "наставил на всяку истину" (Ин. 16, 13). Просвещённая, Она ещё ревностнее стала трудиться творить слышанное Ею от Её Сына и Искупителя, чтобы взойти к Нему и быть с Ним.

Конец земной жизни Пресвятой Богородицы быть началом Её величия. "Преукрашенная Божественною славою" (Ирмос канона Успения), Она стоит, будет стоять и в день Страшного Суда и в будущем веке, одесную Престола Сына Своего, царствует с Ним и имеет дерзновение к Нему, как Его Мать по плоти и как единоправная по духу, как волю Божию сотворившая и других научившая (Мф. 5, 19). Любвеобильная и милосердная, Она любовь к Сыну и Богу Своему проявляет в любви к человеческому роду, предстательствует за него пред Милостивым и, обходя землю, помогает людям.

Испытавшая все тяжести земной жизни, Заступница рода христианского видит каждую слезу, слышит каждое стенание и мольбу, обращённую к Ней. Особенно Ей близки те, которые трудятся в борьбе со страстями и ревнуют о богоугодной жизни. Но и в житейских попечениях Она незаменимая помощница. "Всех скорбящих Радосте, и обидимых Заступнице, и алчущих Питательнице, странных Утешение, обуреваемых Пристанище, больных Посещение, немощных Покров и Заступнице, Жезл старости, Мати Бога Вышняго, Ты еси Пречистая" (Стихира Одигитрии). "Надежда, и предстательство, и прибежище христиан", в "молитвах неусыпающая Богородица" (Кондак Успения), "спасающая мир непрестанною Своею молитвою" (Богородичен 3-го гласа), "день и ночь

молится о нас и скиптры Царствия Её молитвами утверждаются" (Повседневная полунощница).

Нет ума и слов выразить величие Той, Которая родилась в грешном человеческом роде, а стала Честнейшая Херувим и славнейшая Серафим. "Неизреченных Божиих и Божественных тайн зря в Деве благодать являемую и исполняемую явственно, радуясь и образ разумети недоумеюся, странный и неизреченный, како избранная Чистая едина явися паче всея твари видимыя и разумеваема. Темже восхвалити хотя Сию, ужаюсь зело, умом же и словом, обаче дерзая, проповедаю и величаю: Сия есть селение небесное" (Икос Введения во храм). "Недоумеет всяк язык благохвалити по достоянию, изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице, обаче, Благая сущи, веру прими, ибо любовь веси Божественную нашу: Ты бо христиан еси Предстательница, Тя величаем" (Ирмос 9-й песни Богоявления).

***Иеромонах Иоанн (Максимович),  
инок Мильковской обители Введения во храм Пресвятой Богородицы.  
Югославия, 1928 г.***

---

## Почитание Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направление русской религиозно-философской мысли.\*

### I

Несколько времени тому назад в Париж вышли книги протоиерея Сергия Булгакова "Неопалимая Купина", а немного позднее "Друг Жениха". "Их общая тема, — говорит сам автор, — есть догматическое истолкование православного почитания Богоматери и Предтечи в раздельности и совокупности". "Неопалимая Купина" излагает учение о Богородице, "Друг Жениха" — о Иоанне Предтече.

Заявив, что целью первой книги является раскрытие учения о безгрешности Богоматери, автор прямо приступает к делу. "Имеет ли Пречистая, Пренепорочная какой-либо личный грех, можно ли помыслить хотя на мгновение сию страшную хулу?" вопрошает он. И тут же признает, что то, что он назвал "страшной хулой" учили и проповедовали многие отцы Церкви, даже такие великие светильники Православия, как Василий Великий и Иоанн Златоуст. Однако это не смущает прот. С. Булгакова и он пытается установить "церковную точку зрения" от которой отступали по его мнению, как названные, так и некоторые другие учителя Церкви.

Церковное учение покоится на двух основаниях — Священном Писании и Священном Предании. И Священное Писание и Священное Предание говорят нам о безгрешности Спасителя. "Беззакония не сотвори, ниже обретесе леть во устех Его", пророчествовал еще пророк Исаия, и апостол Петр повторяет его слова, лишь заменив слово беззаконие словом грех, так как "грех есть беззаконие" (1 Иоан. III, 4; 1 Петр. II, 22) — "И греха в Нем несть", — говорить Иоанн Богослов (1 Иоан. III, 5). "Не ведевший греха", "Искушен во всем кроме греха", учит о Христе апостол Павел (2 Кор. V, 21; Евр. IV, 15). Бесчисленное множество раз говорится о безгрешности Бога, безгрешности Богочеловека в Святоотеческих творениях и в церковных молитвах. А где же свидетельство об отсутствии грехов у Божией Матери? В Священном Писании их нет. Наоборот, Священное Писание говорит, что всё люди грешны. Священное Писание, сообщая некоторые сведения о жизни Пречистой, называет Ее Матерью Господа, благодатною и другими высокими именами, но нигде не называет Ее безгрешною. Отдельные события Ее жизни, сообщаемые в Евангелии, некоторые толкователи даже прямо объясняют, как сомнения и колебания в вере. Так объясняют, например, святой Иоанн Златоуст и другие, случай, когда Божия Мать и братья Его пришли взять Его в виду слухов, что Иисус одержим бесами, т.е. хотели помешать Ему исполнять Его служение (Матф. XII, 46-50; Марк III, 21-35; Луки VIII, 19-21). "Мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющее его", сказал тогда Господь, показав этим, что духовная связь Его со Своими последователями для Него выше всяких родственных связей. Правда, существует и другое объяснение этого евангельского события — как искусительное испытание материнского сердца, страдающего за своего Сына. Однако, какое толкование ни принять, все же приходится признать, что на основании Священного Писания доказать отсутствие грехов у Богоматери нельзя. Прот. Булгаков и не пытается пользоваться этим доказательством. Он только делает обзор жизни Богородицы, насколько она известна из Священного Писания и церковных преданий, и говорить, что на основании этих данных, как и "по свидетельству непосредственного чувства" невозможно приписать Богоматери совершение личного греха в какую бы то ни было пору Ее жизни. Однако, отсутствие упоминаний о грехах, еще не доказывает что их не было, не говоря уже о том, что в некоторых событиях жизни Пресвятой Девы многие толкователи и отцы Церкви видят проявление греховности у Благодатной, но все же дочери Адама. А "непосредственное чувство", без проверки его положительным церковным учением, часто приводило к ереси. Проф. Булгаков хочет установить на основании предания церковное учение о безгрешности Богородицы. Существование предания свидетельствуется постановлениями Вселенских Соборов, правилами св. апостол и

святоотеческими творениями, богослужебными чинами, церковными песнями и молитвами, иконографией. Однако предание святым является лишь тогда, когда принималось и принимается всею Вселенскою Церковью. Но в постановлениях Соборов нет указаний на безгрешность Божией Матери, и прот. Булгаков ищет свидетельств святых отцов. Многие святые отцы, как указывает сам прот. Булгаков, определенно говорили, что и Божия Матерь имела личные грехи. Он хочет противопоставить им свидетельство святых отцов, которые, по его мнению, учили о безгрешности Божией Матери, и называет целый ряд таких святых отцов. Из них первым он приводит св. Епифания Кипрского, у которого "появляется признание Марии свободною от греха" Однако, при внимательном прочтении св. Епифания, описавшего все ереси, бывшие до него и в его время, ясно видно, что он не считает Богородицу не имевшей никаких грехов, а только опровергает тех (антидикамарианитов), которые не воздавали Ей должного почитания и хулили Ее; с одинаковой ревностью он вооружается и против ереси (колларидиан), воздававшей божеские почести Божией Матери, и говорит: "Мария да будет в чести, поклоняем же да будет Господь", "одинаковый вред в обеих этих ересьях: и когда унижают Святую Деву, и когда, напротив, прославляют Ее сверх должного". Также не говорит о безгрешности Богородицы св. Григорий Богослов. Выражение "Дева, в которой душа и тело предочищены Духом", не есть указание на безгрешность; скорее, напротив, показывает, что было что-то, что нужно было очистить. (Слово на Богоявление или Рождество и на Святую Пасху). В другом мест св. Григорий Богослов прямо говорит: "Знаем, что не грешить выше человека и свойственно одному Богу (не стану говорить об Ангелах)". Выражение "предочищены Духом" сравнительно слабее, если поставить рядом хотя бы со словами того же св. Григория о святой мученице Иустине, которую он все же не считал безгрешной: "это была истинная Христова невеста, сокровенная красота, одушевленное изваяние, ничем не оскверненная святыня, никому недоступное святилище" (Слово о Киприане). В этих выражениях скорее можно искать указания на безгрешность, но св. Григорий Великий всегда был далек от такой мысли, прямо опровергающейся его словами несколько выше приведенными, и ясно говорил о греховности всего рода человеческого.

Первый, по мнению прот. Булгакова, заговорил о безгрешности Марии преп. Ефрем Сирийский. Однако, в приводимой в доказательство этого выдержке из его творений, ничего не говорится о безгрешности Девы Марии, "Ты, Господи, и Матерь Твоя, Вы единственные совершенно святые во всяком отношении, ибо в Тебе, Господи, нет пятна и у Матери Твоей нет порока". Святость и отсутствие порока еще не означают, как дальше будет показано, отсутствия грехов. Также не говорится о безгрешности там, где сравниваются Мария и Ева. Хотя Мария и стоит неизмеримо выше Евы, которая ввела смерть в человечество, тогда как Мария родила жизнь, но преп. Ефрем, называя Ее невинной, непорочной, все же не называет Ее безгрешной. Он даже прямо там говорить, что Мария нуждалась в очищении. "Вселился в Нее Свет, омыл Ее ум, чистыми сделал Ее помыслы, уцеломудрил попечение Ее, освятил девство Ее" ("Мария и Ева", "Похв. песнь Б. М."). Еще определеннее выразил эту мысль преп. Ефрем в другом месте ("Слово на еретик. о рождении Господа"). "Он очистил и Деву и потом родился, дабы показать, что, где Христос, там проявляется чистота во всей силе. Очистил Деву, предуготовав Духом Святым, и потом утроба, став чистою, зачинает Его. *Очистил Деву при Ее непорочности*; почему и родившись оставил девой". Таким образом преп. Ефрем считал, что при всей непорочности Девы, у Нее было нечто, что нужно было очистить. У безгрешного нечего очищать. Но, может быть, Дева была безгрешною после воплощения Слова? И этого нельзя найти у преп. Ефрема. Он говорит только, что "осияваемая благодатию, Она не возмущалась греховными пожеланиями" (там же). Но грехи бывают не только вольные — есть и невольные. Мы часто грешим и против нашего желания, по слабости немощной природы. Таковы грехи сомнения, маловерия и подобные. Их не отрицает нигде преп. Ефрем и обращаясь к Богу лишь Ему говорить: "Ты безгрешен" (там же).

Так же неудачны ссылки прот. Булгакова на св. Амвросия Медиоланского. Выдержка из его толкования на 118 псалом — неправильный перевод. В латинском тексте (Migne) стоит: "Virgo per gratiam ab omni integra labe peccati", т.е. "Дева благодатию свободна" не "от всякого греха", как это приведено у прот. Булгакова а "от всякого греховного паления" или "от греховного

пятна". Что Пречистая Дева была чужда греховных падений и безнравственных поступков — составляет всеобщее православное верование, но этим не утверждается совершенная безгрешность Ее. Здесь говорится только о целомудрии и неповрежденном девстве Ее "ut incorrupte sit virgo", а не о том, что Она совсем не имела никаких грехов. "Solus enim Deus sine peccato est" — говорит св. Амвросий как раз перед этим, не называя Богородицы безгрешной ни здесь, ни в другом месте, где перечисляет добродетели Ее, на которое также ссылается автор.

Разобранными ссылками, больше опровергающими, чем доказывающими утверждение протоиерея Булгакова, ограничиваются почти все "доказательства" из святоотеческих творений. Лишь "приближаются сюда", по его словам, Иероним, Гауденций и блаж. Августин. Впрочем, он хочет видеть учение о безгрешности Божией Матери и у Иоанна Дамаскина на основании одной цитаты из его "Точного изложения православной веры", а так как эта цитата приведена у Игнатия Брянчанинова в "Изложении учения Православной Церкви о Божией Матери", он склонен причислить к разделяющим это учение также и этого знаменитого духовного писателя.

Однако, ни у Златоуструнного Иоанна, ни у епископа Игнатия нет учения о безгрешности Божией Матери. Слова Иоанна Дамаскина "низшел Дух Снятый на чистую Деву и еще Ее очистил" показывают нужду в очищении. "Чуждая всякой скверны" еще не означает "безгрешная". "Духоносными, божественными" называется не одна Богородица. У Игнатия же Брянчанинова этими выражениями называются и другие подвижники; выражение это соответствует выражению "богоносный", каковое мы постоянно слышим в церкви при упоминании преподобных; да и в богослужении "божественный" неоднократно употребляется (напр. в кондаке первомуч. Стефана: "первомученик и божественный Стефан"). Прот. Булгаков не скрывает, что епископ Игнатий приведя цитату, дальше говорить, что ветхий человек и грех не могли не проявляться в Божией Матери. Но он видит здесь лишь "неточные и неудачные выражения" епископа Игнатия, трудно согласуемые с вышеприведенными словами и относящиеся только к первородному греху, а отнюдь не к личным, "которые и он, по-видимому, исключает". Между тем, епископ Игнатий Брянчанинов не только "выразился", но и подробно обосновал, почему и Богоматерь имела грехи, при этом не только грех первородный, но и грехи личные. "Несмотря на праведность и непорочность жизни, которую *оправдала* Богородица... грех и вечная смерть проявляли в ней свое присутствие и владычество". Он ссылается на Иоанна Златоуста и Феофилакта Болгарского, в подтверждение того, что первородный грех проявлялся в совершении личных грехов и говорит: "Истина чужда всех преувеличений и умалений: она всему дает подобающую меру и подобающее место". Он признает Богоматерь чуждою лишь помыслов и ощущений сладострастных и плотских пожеланий, невкусившею борьбы с ними, а не вообще с грехом.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении оказывается, что вопрос, поставленный прот. Булгаковым в начале своей книги, в святоотеческих писаниях получает ответ прямо противоположный тому, который дает сам автор. Не только те святые отцы, которые это так ясно выразили, что он сам должен был их поставить в числе "изрекающих страшную хулу", но и те святые отцы, у которых он ищет подтверждения своего учения, или определенно учат как раз обратному, или, не затрагивая вопроса во всем объеме, лишь говорят о святости и целомудрии Девы Марии. Они были далеки от того, чтобы, опасаясь изречь хулу, считать Богородицу не имевшей грехов или же замалчивать их. "Весьма неблагоприятно и низко думать, говорить св. Григорий Богослов в похвальном слове священномученику Киприану, что оскорбительно будет для подвижника напоминать о непохвальных делах его". Зная, что человек не может не грешить, они достоинство подвига полагали в совлечении с себя ветхого человека и в степени святости, достигнутой борьбой с склонностью ко греху, и победой над ним при помощи благодати Божией. Этот взгляд проводили как все древние святые отцы, так и позднейшие церковные писатели-подвижники, и у них нельзя найти учения, что Божия Матерь каким-то образом оказалась свободной от греха или победительницей его без борьбы. Это есть новое учение, не имеющее корней в святоотеческих творениях и православном богословии.

Прот. Булгаков говорит, что о безгрешности Марии твердо и ясно учит Св. Православная Церковь в своих бесчисленных богослужениях, посвященных Богоматери. В доказательство он приводит около 50 отрывков из песнопений в честь Нее. Однако, ни в одном из них Она не называется ни безгрешной, ни каким другим равносильным выражением. В них она называется святой; но хотя в полном смысле лишь "един свят, един Господь Иисус Христос", относительно святыми могут быть и называются все угодники Божии. В их сонме такое количество покаявшихся бывших величайших грешников, что нет нужды доказывать, что слово "святой" не означает "безгрешный". Богородица называется непорочной. Порок — это закоснение в грехах, преданность греху, греховная привычка. Человек называется непорочным, если проводит богоугодную жизнь, не будучи поработан никакой страстью. "Ходи передо Мною и буди непорочен" сказал Бог Аврааму (Бытие XVII, 1). Непорочным называется в священном писании Иов, и сам он себя таковым считает (Иов I, 1, 8; II, 3; IX, 21). Про праведных Захарию и Елисавету говорится, что они "ходили во всех заповедях и оправданиях Господних безпорочно" (Лк. I, 6). Многократно употребляя слово "непорочный" в псалмах, Давид подразумевает под этим исполнителя Божия закона. "Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем" (Пс. 118, 5) Выражение это применяется и к некоторым угодникам в церковных службах (Например 6 дек. песнь VI, 12 дек. песнь VII. Каноны муч. Иулиании и Евгении). Но никто из ветхо- или новозаветных праведников все же не считается безгрешным, и в жизнеописаниях тех, кто называется непорочным, не скрываются их грехи и искушения. Таким образом, называя Богородицу Непорочной и даже Всенепорочною, Пренепорочною, Церковь указывает на Ее преданность закону Господнему и отсутствие в Ней какого-либо порока, а отнюдь не на отсутствие у Нее грехов. Также нельзя видеть указания на безгрешность Богородицы в словах "Нескверная" ("Устрашися отроков благочестивых сообразно души и несквернаго тела" говорится и о 3-х отроках — ирмос 8 песни Великого Понедельника), "Чистая", "Нетленная". "Неблзная", так как здесь говорится лишь о Ее высокой нравственности, а не об отсутствии какого-нибудь греха. Выражение "тело течения греховного неприятно" говорит о целомудрии и нерастленном девстве Марии. Остальные выражения, приведенные протоиереем Булгаковым из церковных песен, еще меньше имеют отношения к вопросу о безгрешности. "Освященная" (Иер. I, 5). "Пронареченная", "Благодатная", "Благословенная". "Жилище Божие", "Преславная" все это суть высокие наименования Божией Матери, но все же на данный вопрос ответа не дающие. Совсем уже непонятно для чего приведены разные образные выражения как "Новое небо", "Книга, запечатанная духом божественным", "Лествица Божественная", "Престол великий" и тому подобные, которые, наглядно изображая великое достоинство Божией Матери, все же совершенно не касаются затронутого вопроса, не говоря уже о том, что выражения, которые нужно понимать в переносном смысле, нельзя противопоставлять тем, в которых ясно и определенно выражено церковное учение. Своими "доказательствами", взятыми из богослужений, прот. Булгаков доказывает лишь то, что он не смог найти ничего, подтверждающего его взгляд в православном богослужении и молитвах, в которых только Богу говорится: "несть человек, иже жив будет и не согрешит: Ты бо един еси кроме греха", (молитва после заупокойной ектении), "Ты еси един безгрешен", (молитва из чина исповедания и много других молитв). Учение о безгрешности Богоматери учению православному не только чуждо, но и противно. Имея много свидетельств против себя, оно не имеет никаких за себя. Поэтому для доказательства его православия протоиерей Булгаков должен был прибегнуть к выборке отрывочных выражений или ничего не доказывающих, или дающих представление, что здесь действительно подтверждается его учение, если только не прочитать целиком творения из которого это выражение взято. Пример со ссылкой на епископа Игнатия Брянчанинова здесь особенно ярок.

Однако, несмотря на всю шаткость положенного основания, прот. Булгаков продолжает и дальше развивать кажущуюся ему правильной теорию. Он уходит далеко вперед от намеченной в начале книги цели. Но прежде всего он ограждает свое учение от подозрения, что это лишь отклонение в сторону римского догмата о непорочном зачатии. Он утверждает, что можно, не имея личных грехов, иметь в то же время грех первоначальный — можно не только тем младенцам, которые еще не

имеют возможности рассуждать, но и тем святым, которые благодатию Божиею осуществили личную безгрешность. Он говорит, что к таковой личной безгрешности уже приближается Иоанн Предтеча, и обладает ею Пресвятая Дева Мария ("Неопал. Купина" стр. 69). Довольно подробно останавливается на догмате о непорочном зачатии и затрагивает вместе с тем целый ряд других религиозно-философских вопросов.

Показав нелепость учения об изъятии Богородицы от первородного греха, прот. Булгаков, однако, считает, что Она все же была освобождена от одного из его последствий — личной греховности. Последствием первородного греха была еще и смерть. Для Божией Матери смерть явилась переходом в Царство Славы Ее Сына и восприятием венца за земную праведную жизнь. Говоря о прославлении Божией Матери, прот. Булгаков проводит параллель между Иисусом Христом и Девой Марией. Подобно тому, как второе Лицо Святой Троицы - Сын Божий, называется в Священном Писании, святоотеческих творениях и молитвах — Премудростию Божией (I Кор. II, 24, 30), он называет и Богородицу Премудростью (по-гречески, София) и говорить, что есть два образа Премудрости (Софии) и два человеческих образа в небесах: Богочеловека и Богоматери. "Образ Божий раскрывается и осуществляется в небесах, как образ двух: Христа и Матери Его". Основываясь на том, что Бог сотворил Адама и Еву, автор считает, что только человеческое существо Богоматери в небе вместе с Богочеловеком Иисусом вкуче являют полный образ человека. "Полнота Божеского образа в человеке или наоборот, человеческого образа в Боге, выражается через двух: через нового Адама и через новую Еву". Таким образом, по прот. Булгакову, выходит, что Божия Матерь становится как бы рядом со Своим Сыном в деле искупления человеческого рода. Хотя автор и предупреждает, что он не разделяет мысль, что Богоматерь принимает участие в искуплении наряду и наравне с Сыном, однако, дело искупления всего человеческого рода, по его учению, было бы неполно и недокончено, если бы кроме Богочеловека Иисуса не было и женского начала в лице Девы Марии. Он забывает при этом, что завершение дела искупления связывается Церковью не с Успением, то есть переходом на небо Богородицы, а с Вознесением Богочеловека, и что тогда поется: "Еже о нас исполнив смотрение и яже на земли соединив небесным, вознесся еси во славе, Христе Боже наш" (Кондак Вознесения). Церковь, прославляя скорби Божией Матери, никогда все же не считала их необходимым дополнением к страданиям Богочеловека, как бы для искупления греха Евы, в то время, как Господь страдал за грех Адама. Такое учение является попыткой везде провести параллельно мужское и женское начало, что чуждо учению церковному, видящему во Христе Единого Спасителя и Избавителя всего человеческого рода, поправшаго смерть и ад, почему при воскресении Христовом одинаково ликовал Адам и радовалась избавляемая от уз Ева (Кондак воскр. I гласа).

В стремлении провести параллель между Христом и Девой Марией, прот. Булгаков, не удовлетворяясь уже сказанным, идет еще дальше и находит, что подобно тому, как Второе Лицо Св. Троицы, Сын Божий, явился миру в лице Богочеловека Иисуса Христа, так и Святой Дух является через Деву Марию. Разница здесь та, что Сын Божий воплотился, вочеловечился, а Дух Святой не воплотился, а вселившись в Деву, обожил Ее так, что Она, оставаясь человеком и тварью, стала в то же время носительницей и приятилищем Святаго Духа. Употребляя многие православные выражения, автор вкладывает в них совсем другой смысл. Божия Матерь, как говорит прот. Булгаков, оставаясь человеком, со вселением в Нее Святаго Духа, приобрела "двуединую жизнь", человеческую и божескую, т.е. совершенно обожается, почему в своем ипостасном бытии является живым тварным откровением Духа Святаго" (стр. 154). Существо Ее "из человеческого стало Богоматерним. Ибо Богоматерное существо не есть уже человеческое существо, хотя и нераздельно связано с ним" (стр. 174 и дальше). "Она приняла Духа Святаго и сделалась с Ним нераздельна". "Мария есть поэтому совершенное явление Третьей Ипостаси; в творении Ее человеческий лик отображает ипостась Духа Св., ибо для него прозрачен". Таким выражением прот. Булгаков определяет то, что подразумевает под "вселением в Марию Святаго Духа" и затем прямо заявляет, что именно через Марию Дух Святой действует в мире. При этом он различает откровение Отца — откровение Сына и откровение Святаго Духа. Сын открывается во

Христе Иисусе, а Дух Святой через Марию. Система получается очень стройная, но не православная. "Ипостасное откровение Св. Духа совершилось, совершается, и в полноте совершится в будущем веке, в царстве Духа Св. через Марию" — говорит автор. Присутствие Богородицы при Пятидесятнице он объясняет, как предстояние Ее и возглавление Церкви и человеческого рода, как соединение Ее неба и земли. По нему выходит, что Дух Св. не может являться в мир без посредства Девы Марии.

Откуда взял свое учение прот. Булгаков? В этой части своего учения он не ссылается ни на какие святоотеческие творения или молитвы церковные. Он здесь философствует, рассуждает, но отнюдь не излагает и не отыскивает учения церковного. Православное учение, основанное на Божием откровении, не делит это откровение на "откровение Отца" "откровение Сына" и "откровение Духа Св.". Действия Пресвятой Троицы нераздельны (Еп. Феофан затворник. Толков, послан. Ефес.). Ни видение, ни пророчество не бывают от Отца, или Сына, или Святаго Духа отдельно. (Василий Великий. Против Евномия V). Явление или откровение одного лица Святой Троицы есть откровение и явление всей Троицы: "Видевый Мене вид Отца: и како ты глаголеши: покажи нам Отца; не веруеши ли яко Аз во Отце и Отец во Мне есть. Глаголы, яже Аз глаголю вам, о Себе не глаголю: Отец же во Мне пребываяй, Той творит дела" (Иоан. XIV, 9-11). Хотя и бывало, что Богоявление выражалось в явлении всех трех Лиц Святой Троицы, как например, при Крещении и Преображении, но это было для того, чтобы яснее показать Троичность Божества, да "явится поклонение Святой Троицы", а не потому, что явление одного из Лиц было неполным Божиим откровением. (См. тропарь Богоявления, также молитва освящения Троичной иконы). Само Священное Писание одно и то же явление Божества в разных местах безразлично называет и явлением Отца, и явлением Сына, и явлением Святаго Духа. (Напр. сравн. Исаия VI, 9; Иоанна XII. 36-41; Деяния XXVIII, 25-27). На это еще указывали св. Василий Великий и другие св. отцы. Таким образом, утверждение, что существуют особые откровения Отца, Сына, и Святаго Духа, есть уклонение от Православия.

Но еще большие недоумения вызывает учение о Богородице, как носительнице Святаго Духа, через которую Дух Святой открывается миру. Откуда взято это учение? Не из Священного Писания и не из Священного Предания. Упоминание в Деяниях Апостольских о присутствии Девы Марии при сошествии Св. Духа в Пятидесятницу не может служить ни основанием, ни подтверждением этого учения, так как там перечисляются по именам или признакам и другие присутствующие, и вместе с Материею Господней упомянуты и Его братья. К тому же это упоминание сделано не там, где говорится о сошествии Святаго Духа, а там где говорится вообще о том, из кого состояли первоначальные собрания верующих. О дне же Пятидесятницы лишь кратко сказано, что все Апостолы были единодушно вместе, а о Деве Марии даже отдельно и не упомянуто. На самом деле Богородица была вместе с апостолами потому, что и сама нуждалась в приятии Святаго Духа, как и остальные верующие, а не потому, что без Нее не мог снизойти Святой Дух. Если Богоматерь является исключительным органом откровения Св. Духа, то как же без посредства Нее Дух Святой "глаголал пророки"? Как же Он, в виде голубя, сходил на Иисуса при крещении, хотя и неизвестно о присутствии там Девы Марии? Как Дух Святой сошел не только в день Пятидесятницы, когда среди единодушно пребывающих в молитве находилась и Мария, но и позднее сходил на евнуха царицы Ефиопской, на Корнелия и бывших с ним, на учеников Иоанновых и в других случаях, хотя известно, что Она там не присутствовала? Или может быть только с Успения Богородицы Дух Святой может открываться только через Нее, а до тех пор Он мог действовать и без Нее?

Прот. Булгаков хотел изобразить Деву Марию как звено, связующее Божество и человечество. Находя недостаточным, что "един Бог и един Ходатай (посредник) Бога и человека, человек Христос Иисус, давший Себе избавление за всех", он хочет найти еще и посредницу, соединяющую женские начала в Божестве и в человечестве. Нечего и говорить, что в этих поисках он уже и не пытается обосновать свое учение на святых отцах и церковных молитвах, оставив даже те попытки которые делал когда излагал учение о безгрешности Божией Матери



Ведь вспоминать здесь о свв. отцах можно лишь для того, чтобы сказать, что излагаемое учение чуждо им. На основании собственных рассуждений и умозаключений строится здесь новое учение. *Нравне с "Господом с Небесе"* (I Кор. XVI, 47), *ставится и человек, хотя и очищенный Богом, но все же человек от земли.* По этому учению, еще до искупительной жертвы Богочеловека, человек этот, по Божией воле, получает способность не грешить, т.е. грех в нем не проявляется. Однако корень зла — первородный грех — в нем пребывает, и, таким образом, Мария остается принадлежащей к грешному человеческому роду. Страдание Богочеловека спасает и соединяет с Божеством, по преимуществу, мужскую половину человеческого рода; для спасения женской его части необходимы страдания и этого другого человека — Девы. Становится невозможным и общение Святаго Духа с человечеством иначе как через эту Деву. В отличие от Иисуса Христа, в одном Лице соединившего нераздельно и неслиянно Божество и человечество, Дева Мария, оставаясь только человеком, "имеет единение со Святым Духом в степени, превышающей всякую меру", и делается посредницей между Ним и человечеством. Выходит, что Она как бы становится между Духом Святым и людьми, не допуская их непосредственного общения, хотя Иисус Христос обещал послать Духа Утешителя, Который непосредственно будет пребывать с верующими и наставлять их на всякую истину (Иоанна XIV, 16-17 и XVI, 13). Если бы Дух Святой не мог никогда открываться людям, пока приятилицем Его не сделалась Дева Мария, то действительно Она, а не Христос была бы соединительницей Божества и человечества. Но создавать необходимого посредника там, где он не требуется, значит не соединять, а разъединять.

С одной стороны, приближая человека к Богу и даже до некоторой, степени уравнивая их, прот. Булгаков, с другой стороны, разделяет действия Святой Троицы, умаляет значение Боговоплощения и ставит перегородку между Духом Святым и людьми. Сколько ни говорить, что не стеной, а дверью между Богом и человеком становится Богородица, но в изложении прот. Булгакова получается как раз обратное. Так увенчивается попытка прот. Булгакова "дать учение о Богоматери".

Разве так учит Православная Церковь? Она учит, что Пресвятая Дева Мария всем существом с малолетства отдалась Богу, и пламенной любовью привязалась к Нему. Принадлежа к греховному роду человеческому, Она, неустанным вниманием к Себе, очищала Свою душу от всякой нечистоты. Предуведавший Ее Бог (Рим. VIII, 29) давал Ей Свою благодатную помощь, и ангелы посылались для служения Ей.

В жизни Марии не было греховных привычек или тяжелых греховных падений, но тяжесть греха относительна. То, что почти не является грехом у человека, погрязшего в пороках, так как на фоне остальных его дел кажется совершенно безразличным, то, для человека высоконравственного и идеального, является черным пятном в его душе. Для чистой и высокоблагочестивой Девы Марии даже всякая тень маловерия и сомнения, всякий маленький упадок ревности к богоугождению, являлись заметным грехом. Но Она все больше воодушевлялась к борьбе с ним. Не оправдывая Себя, Она грехи Свои заглаживала еще большею ревностью. Со смирением восприяв милость Божию быть Матерью Спаса Своего, Она вместе с тем восприяла и тяжелый крест, орудие в сердце, ибо постоянно принуждена была трепетать за Своего Божественного Сына. Материнское сердце Ей естественно желало сохранить Его от всяких опасностей, и это желание иногда шло в разрез с волею пришедшего положить душу Свою — Спаса мира. Не без искушений был материнский подвиг Девы, но Она и здесь боролась с греховными приращениями в человеческой природе, и волю грешного человека старалась покорить безгрешной Божественной воле. Мы видим вначале Евангелия у Матери Божией еще какие-то попытки спасти и удержать Своего Сына, исполняющего лишь волю Своего Небесного Отца, от того пути, по которому Он пошел, не щадя Своей жизни. Это и вызвало указание Спасителя, что для Него не столько важны родственные связи, сколько исполнение воли Небесного Отца (Матф. XII, 48, 49; Мр. III, 33-35; Лк. VIII, 21). Но в дальнейшем такие напоминания не были больше нужны для Пресвятой Девы. Она прониклась теми же чувствами

(Филипп. II, 5), какие были у Ее безгрешного Сына, Богочеловека, Свою человеческую волю покорившего единой у Него с Отцем божественной воле. Покорно следовала Она за Ним, хотя меч пронзал сердце, и скорби раздирали душу Ее при виде, сначала, опасностей, а потом страданий и смерти Своего Сына. Она и здесь как бы повторяла в Своем сердце: "Се раба Господня! Да будет воля Твоя! Да будет по глаголу Твоему". Больше, чем кому другому из последователей Христа, Ей пришлось перестрадать, чтобы, отрекшись от Своей воли, покориться Его учению. Но зато и больше всех награждена, больше всех возвеличена. "Блажени ихже оставишася беззакония и ихже прикрошася греси" (Псал. 31). Нет больше грехов там, где они прощены. Поэтому не нужно было и начинать разбирать вопрос, были ли грехи у Пресвятой Марии, и с помощью построенный лжеименного разума (Тим. VI, 20) пытаться возвеличить возвеличенную Самим Богом. Не только по естеству является Мария возлюбленною Материю Господа, но и как исполнительница воли Небесного Отца (Мф. XII, 48, 49; Мрк, III, 33-35; и Лк. VIII, 21), Его первая угодница.

Нет слов передать славу славнейшей херувим и честнейшей без сравнения серафим Она стоит у самого престола Того, Кого возлюбила всем существом и Кому посвятила всю Свою жизнь. А так как с любовью к Богу неизменно связана любовь к ближним (I Иоан.), то у больше всех возлюбившей Бога, больше всех и любви к людям. Ни один вздох, ни одна слеза не укрывается от Нее. И не потому, что лишь через Нее открывается Дух Святой, а именно в силу этой любви Она является молитвенницей и предстательницей всего человеческого рода. Она — радость радующихся, утешительница скорбящих, помощь бедствующим, заступница всех христиан. Если еще в отроческие годы Она столько времени посвящала молитве, что про Нее говорят "жила во святых", хотя, собственно говоря, она жила в особом помещении для дев при храме, а во Святое Святых приходила только молиться, то теперь, пройдя земной путь, у Престола Славы Она вся погружена в молитву, "день и ночь молится о нас", и "непрестанною молитвою спасает мир Дева всепетая". И к другим угодникам иногда обращаемся с молитвою спасти нас, так же, как и к Богородице, молить Бога о нас, но преимущественно именно к Богородице мы взываем "спаси нас", выражая этим веру в особенно сильную мощь Ее молитвы, всегда слышимой и исполняемой немедленно Ее Сыном. Но как помраченному взору трудно смотреть на свет, так и нам, погрязшим в грехах и страстях, непостижима слава Богоматери, чуден и непонятен путь, которым Она к ней пришла. "Неизреченных Божиих и Божественных таин зря в Деве благодать являемую и исполняемую, явственно радуясь и образ разумети недоумеваю странный и неизреченный: како избранная чистая явися паче всея твари видимыя и разумеваема. Темже восхвалити хотя сию, ужасаюся зело умом же и словом, обаче дерзая проповедую и величаю: сие есть селение небесное" (Икос Введения во храм).

## II

Продолжением книги "Неопалимая Купина" служит сочинение того же автора "Друг Жениха".

Подобно тому как в первой книг прот. С. Булгаков хотел дать учение о Богоматери, так во второй он хочет точно определить, кто такой Иоанн Предтеча, и какое его место в небесном царстве. Внимание его привлекла икона Деисус (т.е. деисис — молитва), где Богородица и Иоанн Креститель изображаются в молитвенном предстоянии Христу, и он проводит параллель между ними.

Нужно отметить хорошую сторону этой книги. Приведено множество отрывков из священных песнопений, посвященных Предтече, видимо, тщательно просмотренных. Внимательно изучена жизнь Иоанна Крестителя по Евангелию, и некоторые события превосходно объяснены.

Однако, несмотря на эти достоинства, сочинение имеет столь существенные недостатки, что они и его лишают всякой цены. Какая-то предвзятая мысль руководила автором, так что конечные выводы его совершенно произвольны и необоснованы и к сожалению действительно впадают

книга является достойным продолжением первой.

Прот. Булгаков, начиная излагать учение о Предтече, говорит, что Предтеча был также необходим для искупления людей, как и Богородица, почему и почитание их имеет много общего. Так, они часто изображаются вместе по правую и левую сторону возле Христа; только они, якобы, да архангел Гавриил имеют свои "соборы", и т.д. Но доказательства, приводимые автором, более чем слабы. Церковное учение о том, что без Предтечи не мог прийти Христос, он усматривает в том, что Предтеча называется денницей солнца, звездой, возвестившей солнце (стр. 12). Однако, если перед солнцем появляется утренняя звезда, то это еще не означает, что солнце не могло существовать и восходить в свое время, если бы этой, да и вообще звезд, не было. Доказывать на основании этих слов церковных песнопений, что Христос настолько нуждался в Предтече, что не мог без него прийти на землю для спасения людей, нельзя кроме того еще и потому, что в них далеко не один Иоанн Креститель называется звездой. "Звезда светлая явилася еси непрелестная миру, солнца Христа возвещающая зарями своими, страстотерпче" - поется каждому мученику (тропарь общий мученику). Если просмотреть богослужебные книги, то в них бесчисленное множество раз можно встретить, что тот или иной угодник Божий уподобляется звезде. Такое сравнение можно найти даже в службе, совершаемой на другой день после собора Иоанна Предтечи, где называется звездой преподобная Домника, именуемая также "девой непорочною". "Яко величайшия две звезды изнесоста всесветлую зарю, яже возсияет великое солнце миру" говорится об Иоакиме и Анне в службе Зачатия Анною Богородицы. Но в той же службе называется звездой и Сам Христос: "Радуйся, звезды незаходимыя Мати, радуйся заре, таинственнаго дне", — говорится в последовании акафиста Пресвятыя Богородицы; а в том же акафисте немного раньше звездой назван не Христос, а сама Богородица: "радуйся звездо являющая солнце" (послед, акафиста, икосы 1 и 5). Из приведенного видно, что в церковных песнях безразлично звездами называются и воссиявшая от Иакова звезда — Христос и Его Пречистая Мать и многие угодники Божии. Именованьем звездой не определяется, какое отношение к делу спасения людей имеет названное так лицо, и какое оно место занимает в небесном царстве, а лишь указывается, что оно является духовным светилом, светящимся в греховном мраке и просветляющим людские души. То, что именно Предтеча именуется звездой - Денницей, вполне понятно, так как он был звездой, воссиявшей непосредственно перед восходом Солнца Правды □ Христа, и возвестил людям о Его приходе. Но ни в прямом, ни, как здесь, в переносном смысле, неправильно считать, что без существования денницы не могло взойти солнце.

Другое основание утверждать, что Предтеча безусловно необходим был для прихода на землю Сына Божьяго, прот. Булгаков видит в том, что о Предтече предсказано пророками, и что на это пророчество ссылаются все евангелисты, показывая этим его важность. Но важность того или другого события в жизни Христа нельзя определить тем, сколько евангелистов про него говорят. Так, о рождении от Девы Марии говорят только два евангелиста, а о входе в Иерусалим — все четыре; о том, как Иисус Христос пятью хлебами насытил пять тысяч, говорят все четыре, а о том, как причастивши учеников на Тайной Вечере, Он установил на все времена таинство Евхаристии, говорят только три, а четвертый, излагая гораздо подробнее, чем остальные, что Христос говорил и делал на Тайной Вечери, опускает именно это, о причащении же говорит лишь в связи с насыщением пятью хлебами, хотя это было лишь прообразом, а не установлением Евхаристии. Также нельзя о необходимости существования Предтечи для возможности спасения человеческого рода говорить на основании того, что о нем предсказано пророками. Многие признаки пришествия Христа и события из Его жизни предсказаны для того, чтобы люди узнали пришедшего Мессию и уверились в том, что это Тот, Кого ожидают. Предсказано о рождении Христа в Вифлееме и о избииении там младенцев, о путешествии в Египет и возвращении оттуда, о пребывании в Галилее, о входе Господа в Иерусалим на ослати, о разделении риз, причем бросался жребий (о чем также упоминают все четыре евангелиста) и многое другое, так что в евангелиях постоянно делаются ссылки на пророчества. Однако, неужели все эти признаки настолько необходимы, что иначе Сын Божий не мог спасти людей? Исполнение этих пророчеств

важно, как доказательство истинности речи Божией, и того, что Иисус есть обещанный Христос. Но нельзя считать, что дело искупления настолько связано с Вифлеемом, что не могли пророки предсказать, а Христос родиться не в Вифлееме, а напр. в Вифании, или каком другом месте; или, что Господь не мог спасти людей, не сев на осленка. Конечно, не все пророчества и события жизни одинаково важны. Пророчество о Предтече принадлежит к числу важнейших. Но все же ни откуда не видно, что без появления Предтечи невозможно было спасение рода человеческого, т.е. Христос не мог придти на землю. По учению прот. Булгакова, Предтеча был не столько необходим для людей, для их приготовления к проповеди Христа, сколько для Него Самого, чтобы Он не был одиноким в мире, будучи встречен Предтечей. "В его лиц Спаситель был принять на земле", он и Богоматерь представляли собою всю Церковь, проявив образ любви мужской и образ любви женской. Поэтому "полнота любви церковной, общение со Христом дается в соединении любви ко Христу Богоматери и Предтечи" — говорит автор ("Друг Жениха", стр. 21 и 27).

В Евангелии "приготовление пути Господня" изображается как приготовление людских сердец к приятию проповеди Спасителя. "Уготовайте путь Господень, правы творите стези Его" — зывал Предтеча, и указывал, что приготовление это заключается в смирении и покаянии. Эта проповедь Иоанна еще сильнее возбудила и без того напряженное ожидание Мессии, а послушавшие Предтечу — первые сделали последователями Христа (Иоан. I, 37 и дальше). Лишь тесное общество особо преданных личности Иоанна его учеников не оставляло его и даже негодовало на растущее влияние Иисуса; однако, и не следовавшие сразу за Христом, впоследствии охотно принимали проповедь о Нем (Деян. XVIII, 24 и XIX, 7). В этом отношении, действительно Иоанн уготовил путь Господу. Рассуждение же прот. Булгакова, что Предтеча был нужен, чтобы, как представитель человечества, встретить Христа и этим как бы оказать Ему моральную поддержку, не вытекают из Евангельского повествования, да, кроме того, и трудно согласиться с тем что короткая встреча между Христом и Предтечей была смиренным приходом Христа к Иоанну.

По прот. Булгакову, Предтеча был необходим еще, как Креститель. Он говорит, что Господь нуждался в крещении, а следовательно, и в Крестителе; что в крещении Господь стал совершенным Богочеловеком, получив усыновление Бога Отца и помазание Святого Духа. "Крещенское Богоявление и есть новое и окончательное усыновление: Дух Святой, сходя на землю, на крещаемого Сына Божия, свидетельствует перед Отцом это сыновство и совершает усыновление» ("Друг Жениха", стр. 82).

Эта мысль совершенно неправославная и есть уклонение к старым гностическим учениям, что Иисус именно в крещении стал Христом. Разница между гностическими учениями, обычно утверждавшими, что при крещении человек Иисус соединился со Словом, и учением прот. Булгакова, не так уж велика, раз, все равно, и тут лишь с Крещением связывается полнота Боговоплощения. Борясь с такими учениями свв. отцы указывали, что Иисус с самого Своего рождения и даже зачатия был истинный Бог, и, следовательно, ничего не мог получить сверх того, что уже имел, будучи единосущен и неразделен Отцу и Духу. С первых строчек Евангелия мы читаем, что праведный Симеон молит Бога отпустить его из этого мира, ибо он видел Христа Господня (Лк. II, 26-32). Благодать Божия уже тогда была на Нем. Церковные песни, как и слова св. Отец, прославляющие Богоявление и Крещение Господне, говорят лишь о явлении Святой Троицы, явлении Христа, Его смерти, победы над древним врагом и освящении Им мира, но отнюдь не об освящении, усыновлении или помазании Самого Христа. Сходство в церковных службах Рождества и Крещения, что прот. Булгаков склонен толковать, как взгляд Церкви на Крещение как на второе Рождество, объясняется просто тем, что до конца IX века Рождество и Богоявление праздновались в один день, так как у Евангелиста Луки есть указание, что Иисус, начиная служение, был лет около тридцати (Лк. III, 23), т.е. годовщина рождения Господня и время Его крещения приблизительно совпадали. Позднее, чтобы больше отметить значение и того, и другого события, Рождество и Богоявление стали праздновать отдельно, сначала на западе а потом и на востоке кроме Армении где и поныне Рождество и Крещение празднуется

вместе. Это, конечно, известно прот. Булгакову, но он не хочет сделать соответствующих выводов, а, между тем, это прежнее совместное празднование и имеет следствием, что службы этих праздников, даже составленные позднее, с внешней стороны весьма схожи (кроме того на Крещение прибавляется водоосвящение), а на западе даже принято называть Богоявление праздником "трех королей", т.е. трех царственных волхвов, пришедших на поклонение новорожденному Христу, чем еще яснее напоминает, что некогда все эти события вспоминались вместе. Но внутреннее значение и смысл каждого из них был особый, почему так быстро и привился новый порядок празднования Церковью, в бесчисленных песнопениях дающей ясное учение о том и о другом событии, не называя нигде Крещения Господня, ни духовным Рождеством, ни Помазанием.

Объясняя Крещение Христово как помазание Духом Святым, прот. Булгаков говорит, что Боговоплощение совершилось не только через Богоматерь, давшую Христу Свою плоть, но и через Предтечу, который крестил Христа, и через то явился совершителем помазания Его, через сохождение Св. Духа на Его человеческое естество. Учение это, как мы видели, совершенно чуждо церковному, ибо Спаситель уже был Христом с рождения, и никакого помазания при крещении не принимал.

Святые отцы давали ясный ответ на вопрос — с какого времени Господь стал Христом, хотя им были известны два уклонения от истины — и что это совершилось еще до зачатия, и что лишь по достижении Христом зрелого возраста. Прот. Булгаков допускает второе, создавая своеобразную теорию, из которой делает ряд дальнейших выводов. "Пречистая и Предтеча в своем соединении олицетворяют собою всю церковь небесную и земную, ангелов и человек". Указывая на совместное изображение Богоматери и Иоанна Крестителя в молитвенном предстоянии Христу, и другие молитвенные воспоминания, где имя Предтечи следует непосредственно после Богоматери, прот. Булгаков ищет основу этой близости. Указав на присущее им обоим служение и другие сходственные черты их духовных подвигов, но находя это еще недостаточным, он, наконец, находит желанный ему ответ: их духовная близость заключается в отсутствии вольного личного греха, в личной безгрешности. Когда прот. Булгаков в 1926 году писал 69 страницу книги "Неопалимая Купина", тогда Предтеча только приближался к личной безгрешности; а весной 1927 г., когда писалась 28 страница книги "Друг Жениха", Предтеча личной безгрешностью уже обладает. Автору следовало бы отметить — сделал ли он новое открытие или изменил свое мнение, а не помещать без оговорок в книгах, составляющих продолжение одна другой, два различных ответа по коренному вопросу, затронутому в этих книгах. Но проф. Булгаков, по-видимому, давший первый ответ, недостаточно изучив и уже забыв о нем, теперь старается доказать правильность второго ответа. Доказательств, строго говоря, нет. Прот. Булгаков делает обзор жизни Иоанна Крестителя и указывает, что святость Предтечи на всем протяжении его жизни, хотя прямо не засвидетельствована в Евангелии, но косвенно подтверждается. Приведя несколько указаний на святость Иоанна, автор вдруг начинает говорить не только о святости, но и о безгрешности, которая якобы была засвидетельствована Господом в Его беседе с учениками и народом (Мф. XI, 2-19 и Лк. VII, 18-35). Однако, никаких указаний на безгрешность Предтечи там нет. Прот. Булгаков совершенно как бы забывает, что святость и безгрешность не одно и то же, и что, если в полном смысле слова "един свят" один лишь безгрешный Господь Иисус Христос, то по милости Божией к святости приближаются бесчисленные сонмы угодников Божиих, называемых святыми, хотя многие из них прежде были тяжкими грешниками. В Священном Писании безгрешным называется один Господь, и бесполезно искать в нем указания на безгрешность кого-либо, кроме Него. Никто, кроме Бога и Ангелов, не называется безгрешным и в церковных песнопениях и творениях святых отцов, в совокупности выражающих священное предание и церковное учение.

Выражением церковного учения о безгрешности Иоанна Предтечи, прот. Булгаков считает празднование зачатия и рождества Иоанна Крестителя, и говорит, что празднуя зачатие и рождение только Богоматери и Предтечи Церковь этим сближает их и свидетельствует о

святости уже с самого зачатия, о свободе от греха. Смешивая здесь понятия святости и безгрешности, автор, однако, тут же помещает часть стихир, в которой дается определенный ответ — почему празднуется зачатие. "Веселится тварь в зачатии твоём, пророче и Предтече, Крестителю Иоанне: божественное бо твоё рождение предзнаменует нам Владычно Рождество".

Чтобы объяснить, каким образом Дева Мария и Креститель Иоанн могли дойти до такой степени святости, что не имели личных грехов, хотя тогда Христос еще не искупил нас от первородного греха — прот. Булгаков указывает на их святых предков и говорит, что святость эта "накапливается и приобретает наследственной святостью поколений Ветхозаветной Церкви". Но он совершенно забывает, что среди предков Христовых были и отличавшиеся не благочестием, а страшным нечестием, а из четырех женских лиц, упомянутых Еванг. Матфеем в родословной Христа, одна лишь моавитянка Руфь, прославилась своей добродетельной жизнью, а нравственность остальных трех не была особенно высока. Это, впрочем, не препятствовало тому, что дети нечестивых родителей отличались высоким благочестием, что особенно ярко видно на пример Ахаза и Езекии. Какие бы, однако, рассуждения ни приводились, личная безгрешность Предтечи является учением необоснованным с церковной точки зрения, так же, как и таковое же учение о Богоматери, для обоснования которого автор употребил гораздо больше доказательств, но одинаково неудачных. Подтверждением того, что Церковь ставит Иоанна Предтечу в особо исключительное положение наравне с Богоматерью, прот. Булгаков считает то, что, якобы, только он и Богоматерь, да еще Архангел Гавриил имеют свои "соборы". Этот взгляд автора свидетельствует лишь о его полном незнании церковных книг и устава. Не говоря уже о том, что во всех богослужебных книгах и даже календарях, кроме двукратного собора архангела Гавриила (26 марта и 13 июля) упоминается еще собор архистратига Михаила и прочих бесплотных сил (8 ноября), "соборы" имеют весьма многие святые. Если только раскрыть Пролог — книгу, в которой помещены краткия жития святых и поучения на каждый день, или же греческую mineю, где сведения о празднуемом святом (синаксарь) помещаются после 6-ой песни/канона, когда полагается, по уставу, их прочитывать, то в том же январе, когда собор Предтечи, можно найти целый ряд соборов. Восьмого января, "совершается же сих (Иулиана и Василисы) собор во святом их мучении, сущем при Форос". Девятого января, "совершается же собор мучения его (муч. Полиевкта) во святых апостол великих". За первую половину января не меньше пяти раз повторяется слово собор, причем в день Иоанна Предтечи, седьмого января, сказано: "совершается же собор его в Форакии" Подобное и в других месяцах. Иногда в подобных выражениях говорится: "совершается собор, совершается праздник его". Что же обозначает здесь слово "собор", и к чему здесь прибавлено географическое название? Именем собора (по-гречески — *isynaxys*), называется собрание верующих для прославления святого. Когда совершалась память какого-нибудь угодника Божия, то собирались по преимуществу в церковь, построенную на месте его мучения (если это мученик), где есть мощи, или каким либо другим образом связанную с именем празднуемого святого. Там совершалось торжественное всенощное бдение, а затем, утром, литургия. Народ со всей окрестности во множестве собирался к месту празднования, почему и сам праздник назывался собором, собранием. Такой порядок отчасти до сих пор существует в Царьграде. Там память многим святым совершается в каком-нибудь определенном храме. Так, например, память исповедника Иоанна Русского, про которого как раз русские почти не знают (это малоросс, захваченный турками во время Петра I), совершается 27 мая в храме "Панагия кафатиани" в Галате; муч. Маркеллы, 22 июля, в храме Иоанна Предтечи, там же, и так далее. В эти дни собирается множество народа, как и в день храмового праздника совершается торжественное богослужение, проходящее при большом подъеме духа. Подобное мы видим в России, где всегда бывает большое стечение народа в дни храмовых праздников или же в дни празднования чудотворной иконы или святого, которого имеются мощи — у этих мощей и иконы. Вот это стечение народа и дало название всему празднику. В книге Типикон — устав богослужения — многократно встречаются выражения: «совершается же собор его, идеже мощи его, и идеже храм его». Такие указания встречаются особенно часто в дни памяти русских, и определяют, где должна этому святому совершаться торжественная праздничная служба со всенощным бдением. Таким образом свой собор имеют не только Богородица и Иоанн

Креститель, а почти каждый святой. Если же о "соборах" Богородицы, Иоанна Крестителя (даже без указания мест) и архангелов Гавриила и Михаила говорится во многих богослужебных книгах, а об остальных только в некоторых, то это оттого, что стечение народа в церквах в дни, следующие за такими великими праздниками, как Рождество и Богоявление, бывает повсеместное, а кроме того, говоря о соборах святых архангелов, Церковь указывает, что наши молитвенные собрания являются подражанием ликостояниям ангельским, непрестанно прославляющим Бога.

Весьма также неудачным надо признать и ссылку прот. Булгакова на порядок вынимания частиц на проскомидии, где он усматривает сближение между Богородицею и Иоанном Крестителем: во-первых, в честь Богородицы частица вынимается из особой просфоры (или особой печати на ней, если просфора одна), а в честь Предтечи из той же, из которой вынимаются 9 частиц в честь всех святых, а во-вторых, даже вынутые особой частицы в честь Предтечи непосредственно после Богородицы не есть повсеместный обычай, так как в греческих церквах из девятичинной просфоры (или печати) первая частица вынимается в честь бесплотных сил, а лишь вторая в честь Иоанна Крестителя, Моисея. Аарона и всех остальных пророков.

Быть может покажется, что все это столь незначительные ошибки прот. Булгакова, что их бы не стоило касаться, но они показывают, на каких призрачных и богословски необоснованных доказательствах строит он свои теории. Однако, он не только не останавливается на здесь изложенных своих взглядах, но идет гораздо дальше. Продолжая разбирать вопрос о прославлении Предтечи, он доходит до того, что приписывает Православной Церкви учение, будто Иоанн Креститель был не только человек, но и ангел, соединил в себе естество ангельское и человеческое, был "ангелочеловек". Прот. Булгаков даже точно определяет, какое место занимает Иоанн среди ангелов: он будто бы занял место отпавшаго Денницы. Но когда и где Церковь допускала смешение ангельского и человеческого естества, или соединение их в одном лице? Автор приводит ряд церковных песнопений, где Предтеча называется ангелом, согласно с главами пророчества Малахии "се аз посылаю ангела Моего пред лицом Твоим", а также указывает, что иногда Предтеча изображается с крыльями.

Но что, в действительности, означает название Предтечи ангелом? Слово "ангел" означает "вестник". Пророк Малахия и предсказывал, что Бог пошлет Своего вестника для возвещения людям о приходе Христа и приготовления их к Его приятию. Сам Господь тоже называется "Ангелом Великаго Совета" (Исаия, IX, 6; 5 ирмос Рождества), как посланный в мир Богом Отцом (Иоан. V, 23 и много других); но все же Он не восприял ангельского естества (Евр. II, 16). Почему в то же время говорится, что пришел "не ходатай, не Ангел, но Сам Господь воплотиться" (Ирмос 4 песни. 2 гл.). Иоанн Предтеча называется ангелом еще и потому, что жизнью своею подражал ангелам, совершенно не заботясь о своих потребностях, и будучи всецело предан порученному ему Богом служению. Святые в этом смысле именуются подражателями бесплотных сил. "Что Вас наречем, святые — воспевают Церковь, — херувимы ли, яко на Вас почил есть Христос: серафимы ли, яко непрестанно прославляете Его; ангелы ли — тела отвратитесь; силы ли — действуете чудесы; многа ваша имена и большая дарования, — молитесь спасти души нашим" (Стихира 7 гласа). "Терпения столп был еси, ревновавый праотцем, преподобие; Иову в страстех, Иосифу во искушениях и бесплотных жительству, сый в телеси", поется преподобным Самсону, Алипию и другим столпникам (Тропарь столпникам).

Не отрицая того, что преподобные именуются пожившими равноангельное житие, прот. Булгаков утверждает, однако, что лишь пророк Илия и Иоанн Предтеча прямо воспеваются, как "во плоти ангелы". Но этим он лишним раз ярко подчеркивает свое незнание церковных служб. Всего через несколько дней после Собора Иоанна Предтечи, в службе 17 января, преп. Антоши Великий несколько раз называется "небесный человек, земной ангел" (Стихиры на вечере), а препод. Макарию Великому поется 19 января: "Пустынный житель и во плоти ангел" (Тропарь). Подобные выражения встречаются во весь круг годового богослужения. Тропарь "пустынный

житель и в телеси ангел" поется еще преп. Иоанну Лествичнику, Моисею Мурину, Кириаку (4 нед. Велик. Поста, 28 авг., 29 сент.) и другим. Ангелом называется и сам назвавший этим именем Предтечу — пророк Малахия, при этом, не только в службе ему 3 января, но и в неканонической III книге Ездры (1,40), да и само имя Малахии значит "ангел". Приятие Великого Ангельского образа называется пострижение в монашество. Всеми этими выражениями Церковь вовсе не имеет в виду указать, что лицо, так именуемое, стало ангелом по естеству, но лишь свидетельствует о его высокой духовной жизни. Что в таком же смысле надо понимать название ангелом Иоанна Предтечи, прямо говорится в приведенной самим прот. Булгаковым стихире, поемой на день Рождества Предтечи, творении знаменитой монахини Кассии: "человек убо естеством, ангел же житием сый" — Да и сам проф. Булгаков на стр. 118 говорить не о том, что Иоанн совместил два естества — ангельское и человеческое, — а о том, что он "как равноангельный человек. соединяющий в себе полноту естества человеческого и высоту и близость к Богу естества ангельского, стоять выше и самих ангелов". Таким образом, по этому вопросу о безгрешности Предтечи, проф. Булгаков дает два ответа, на этот раз уже в одной книге.

Что Церковь не приписывает Иоанну Предтече ангельского естества ясно видно из многочисленных молитв (напр. "Спаси Боже люди Твоя" и "Владыко Многомилостиво" на литии; молитва ко Господу Иисусу Христу, после акафиста Сладчайшему и 8-я вечерняя), где Креститель упоминается отдельно от ангелов, притом, после них; также из того, что в посвящаемые им дни, она не вспоминает с ними и Предтечи, а среди недельных воспоминаний ему посвящен вторник, в то время, как ангелы славятся в понедельник, а апостолы и святители со св. Николаем — в четверг. Изображение Иоанна Предтечи с Ангельскими крыльями вовсе не есть указание на его ангельское естество, а лишь напоминание слов Священного Писания: "се Аз посылаю Ангела Моего". При этом нужно заметить, что прот. Булгаков, говоря о различных иконах Предтечи, совершенно не обращает внимания, является ли то или иное изображение его принятым во всей Церкви, или представляет местное и случайное явление, нигде больше не встречающееся. Между тем, лишь общепринятые изображения могут выражать предание Вселенской Церкви.

Становясь на путь буквального понимания выражений, употребляющихся в переносном смысле, и символических изображений, автор открывает путь к целому ряду неожиданных выводов. Господь Иисус Христос называется Агнцем гораздо чаще, чем Иоанн ангелом. В древней Церкви, во время гонений, Его даже изображали в образе Агнца. Неужели поэтому надо считать, что Господь воспринял естество агнее? А, между тем, следуя методу проф. Булгакова, нужно учить, что Иисус Христос есть не только Богочеловек, а что Он Богоангелочеловекоагнец или, по крайней мер, Богочеловекоагнец. Как ни абсурдна и кощунственна подобная мысль, но она вполне последовательна.

Идя тем путем, которым пошел в своих изысканиях прот. Булгаков, — отвлекшись от прямого учения Церкви, искать подтверждение своим взглядам в отрывочно взятых выражениях из Священного Писания или молитвословов, не обращая внимания на остальные места, этих взглядов не подтверждающие, — можно дойти до еще более крайних выводов. Но это не будет ни православным учением, ни восхвалением святого. Истины, содержимые Церковью, должны раскрываться во всей полноте ее учения, исповедуемого Вселенскою Церковью.

"Болий в рожденных женами пророка Иоанна Крестителя никтоже есть", сказал Господь. Лишь рожденный не от жены, а от Девы, Богочеловек да эта "Честнейшая Херувим и Славнейшая Серафим" Дева больше, чем он среди людей. Он олицетворение полной преданности Богу. С детства живет в пустыне, отвергшись всяких удобств и неги, удовлетворяя только самые необходимые потребности своего тела. Он весь живет духовной жизнью. Грех первородный не был еще снят Христом с людей и проявлялся в человеческой природе. Церковь не указывает, какие были грехи у Предтечи; но, исповедуя единым безгрешным Господа, она этим признает существование грехов и у Предтечи. Да и как бы человек мог сохраниться от проявлений



живущего в человечестве греха, находясь под властью греха и в рабств (Евр. II, 15). в отчуждении от Бога. Правда, называл Бог некоторых праведников Своими друзьями (1ак. II, 23), освящал еще в утробе матери (иер. I, 5). даже исполнял Духа Божия (Исх. XXXI, 3), но все же они лишь верою взирали на исполнение обетований, умерли, не получив их, и сошли во ад (Быт. XXXVII, 35).

Иоанн был последний и величайший праведник Старого Завета, уже стоявший на пороге Нового, но все же, живя до совершения Христом нашего искупления, и он был под грехом, который жестоко терзал человечество. Если и в Новом Завете нет никого, который бы совершенно грехов не имел, еще невозможнее было достигнуть такой безгрешности до него. Но все же степень греховности и грехи бывают разные. У Иоанна не было привязанности к греху или греховным привычкам. Наоборот, будучи исполнен Духа Святого еще от чрева матери своей, он ясно видел мерзость его и ненавидел как грех вообще, так и свой собственный.

Ненависть к этим грехам, желание от них очиститься, и упорная борьба с ними, работа над собою, в сознании в то же время своего недостойнства и составляют настоящее покаяние, проповедником которого сделался Иоанн. Естественно слышать призыв "покайтесь" из уст безгрешного Господа, непричастного ни к первородному, ни к личным грехам. Но, если покаяние проповедует кто-нибудь не свободный от них, он должен сам первый исполнить то, что проповедует. И, видно, глубоко было покаянное настроение у Иоанна, упорно искоренял он в себе всякое поползновение ко греху и видел даже свои малейшие недостатки, что когда он сделался готовым воспринять глагол Божий, из глубины его переполненной покаянным чувством души вырвалось — "покайтесь".

Известно, что не так действует слово, как личный пример. "Иже сотворить и научить сей велий наречется в царствии небесном". Иоанн всею своею жизнью олицетворял настоящее покаяние. Вот почему и раздавался так громко его голос и "исхождаше к нему Иерусалим и вся Иудея и вся страна Иорданская". Люди шли, открывали ему свои грехи и, как у искусного врача, спрашивали, как лечить свои душевные болезни. А Иоанн оставался смиренным, и, в сознании своего недостойнства, указывая, как бороться с грехом, во всеуслышание проповедывал, что действительное очищение от грехов принесет Грядущий за ним, у Которого он недостойн развязать ремень обуви Его.

Пришел Чаемый; повинувшись Ему, Иоанн крестил Его с трепетом, и увидел, как разверзлось небо и явилась Тайна Святой Троицы, когда Христос смиренным преклонением главы под руку Своего раба заглаживал грех гордо поднявшейся за запрещенным плодом руки прародителей.

Объявив ученикам и народу о пришествии Избавителя от греха и указав на Него, Иоанн продолжал звать к покаянию. Он видит, что слава его померкла с приходом Большого Светила, но не скорбит, а радуется этому. Он радуется, что подготовленный им народ устремился к проповеданному им, ибо не словами только, а всем существом склонялся он пред Ним и был предан Ему. Он продолжает проповедывать правду Божию, дерзновенно возвещает ее царю земному и попадает в темницу. Но и оттуда слышится его голос, хотя теперь только для немногих, пока меч не прекращает земной жизни.

Душа по смерти его, как и все души до него, идет во ад, но идет с проповедью о пришествии на землю Христа и приближении избавления. После сошествия Христа во ад, он с Ним идет в рай и, как преданнейший из людей, предстоит Престолу Его вместе с Богородицею. Величайший из рожденных женами веселится с ангелами и молится за своих собратьев. Он оставил урок для всякого. Мученики, преподобные, священники, монахи, девственники имеют в нем своего вождя. Каждый христианин имеет в нем пример смирения и преданности Богу, Призывая его на помощь нужно ползать ему и по силе прославлять: достойно же восхвалить его не в наших силах

"Память праведного с похвалами тебе же довлеет свидетельство Господне, Предтече".

### III

Учение протоиерея Булгакова о почитании Богородицы и Иоанна Предтечи, которое, как выяснено, никак не может считаться православным, опасно не столько само по себе, сколько потому, что в данном случае, как и во многих других, автор явился выразителем идей, охвативших некоторые круги русского мыслящего общества, Эти идеи связаны с учением о Софии — Премудрости Божией - "София" это греческое слово, означающее премудрость.

Так как в задачу настоящей статьи входило лишь дать критически разбор учения так наз. софианцев о Богоматери и Иоанн Крестителе, то здесь ограничимся указанием, что до сих пор, согласно словам Священного Писания "Мы же проповедуем Христа распятого, Иудеем убо соблазне, Еллинном же безумие, самим же званым иудеем же и Еллинном Христа, Божию Силу и Водю Премудрость". В церковном учении, выражающемся в частности в святоотеческих творениях и церковных молитвах, утвердилось понимание, что Премудрость Божия есть одно из наименований Сына Божия. В настоящее время появилось течение мысли, старающееся дать другое понимание имени Премудрость. Не давая определенного, пока, учения и оставляя широкое поле для дальнейших философских изысканий, представители этого учения уже ясно показали свое направление. Хотя они при доказательствах и приводят выдержки из св. отцов, но как метко подметил гр. Ю. П. Граббе в "Корнях Церковной Смуты", здесь, в сущности, полемика со св. отцами ("Корни Црк. Смуты", гл. VI).

Разрушают уже утвердившееся в Церкви учение, и, не давая еще нового положительного учения, ведут разработку его с определенным стремлением найти в "Софии" женственное начало, как Божества, так и человечества. Есть, говорят, София небесная, нетварная и есть София тварная. Находясь и в Божестве, и в творении, София соединяет Творца и тварь. Устанавливается как бы лестница сущностей, и этим уничтожается ясное различие между сотворившим и сотворенным. Высшая степень тварной Софии есть переход к Софии нетварной. Так как "Богоматерь софийна в предельной степени" ("Неопал. Купина", стр. 189), то она и "есть тварь, но уже не тварь" (там же, стр. 191). Если "божественная София откровение Св. Троицы" (там же, стр. 189), то Богоматерь "это вечная жизнь если не самого Божества, то в Божестве" (там же, стр. 191). Вообще, делается попытка везде найти параллель мужского и женского начала. При неразработанности еще софианского учения и разных его оттенков еще неточно определено "всему свое место". В частности, женское начало в Божестве является чем-то близким к Святому Духу, хотя и не отождествляется с Ним вполне. В определении положения Богородицы тоже проявляется колебание — в книге "Неопалимая Купина" проф. Булгаков ставит Ее в параллель и в соответствии Иисусу Христу, а в "Друг Жениха" — Иоанну Крестителю. Но, в общем хотят создать что-то новое, основываясь на построениях ума и отвлеченных философских рассуждениях. И ясно видно стремление как бы сравнить Божество и человечество, поставить не только людей в зависимость от Бога, но и Бога в зависимость от людей. Для того и якобы, возвеличиваются Дева Мария и Иоанн Предтеча, чтобы потом показать, что без представителей человечества ничего бы не мог сделать Богочеловек Христос. "Божество и человечество в сущности суть разные части одной лестницы". Это не говорится прямо, но ясно проводится.

Вспоминаются первые века Христианства, когда в результате стремления получить точное знание о Боге и мире появилась стройная система гностика Валентина, представлявшая 15 пар эонов, производивших одна другую, где также строго различалось в каждой пар мужское и женское начало. До выводов Валентина новые философы не дошли, нет еще также оснований утверждать, что они от него заимствуют свое учение. Однако, одинаковые основания кладутся и там, и здесь — человеческие рассуждения, приспособляющие к себе, а не склоняющиеся перед богооткровенными истинами. Это есть стремление уравнивать и перемещать то, что открыл Бог, и что нашел сам человек И прежде и теперь от этого получаются сходственные результаты Наши

философы как бы чувствуют свою близость к древним еретикам, не скрывая своих симпатии к ним и видя в них проповедников истины (Карсавин, "Св. Отцы и Учителя Церкви"). Горделивый ум не может примириться со смиренным припаданием к Богу. Приятнее самому сорвать плод, чем получить его от Создателя. Это то, что выразил Владимир Соловьев в своем слове в память Огюста Конта, когда призывал, чтобы религию сделать богочеловеческою, влить в нее больше человеческого — сейчас она слишком божественна.

Не скрывая, стремятся реформировать православие сторонники нового философского течения. "Православный уклад должен будет переделаться. Новый стиль возникает в православии", пишет Бердяев. От редакции их органа "Путь" провозглашается: "Образуются новый уклад православной души, более активный, творческий, более мужественный, бесстрашный" ("Путь", сентябрь, 1925г.). Таким образом прямо заявляется, что Православие до сих пор неудовлетворительно со всех сторон. Недостаточно поняли христианское учение отцы Церкви, недостаточно были бесстрашны и мужественны св. мученики, и вероятно уже совсем неактивны святые Петр, Алексей, Иона, Филипп и Ермоген Московские, Савва Сербский и Петр Цетинский (+ 1830), хотя эти просветители, будучи духовными пастырями, были и выдающимися деятелями в государственно-общественной жизни. Хотят создать новое "православие", с новым учением, новым укладом жизни, даже "новой душой".

Но будет ли это Православием, даже вообще Христианством? Непонятно, как это не замечают некоторые, повидимому искренне преданные православию люди. Непонятно, каким образом протоиерей Серий Булгаков, ревностно совершая богослужение, с любовью изучающий церковные песнопения, проповедует противоположное им. Быть может он в глубине души чувствует свою неправоту и этим объясняются колебания в его заключениях, не соответствующие его званию и положению промахи, которые можно не видеть только закрывши глаза. Но если так, пусть он откажется от написанного им, и не вводит в заблуждение тех, кто читает его произведения. Пусть останутся желающие переделывать Церковь, которая есть "столп и утверждение истины" (I Тим. III 15). Будем надеяться, что они услышат если не наш голос, то голос Апостола Павла: "О Тимофей, продаже сохрани. уклоняясь скверных суесловий и прекословий лжеименного разума, о нем же нецыи хвалящаяся о вере погресиша" (I Тим.) Но если все же продолжится искание новой веры и новой премудрости, верные сыны Церкви да останутся непоколебимы в Православии, воспевая единым сердцем и едиными усты: "Не мудростью и силою и богатством хвалимся, но Тобою, Отчею Ипостасною Мудростию, Христе, несть бо свят паче Тебе, Человеколюбче" (Ирмос 3-й песни канона Св. Апостолам Петру и Павлу).

\* Настоящая статья написана в бытность иеромонахом и впервые напечатана в издававшейся гр. Ю. П. Граббе газете "Голос Верноподданного" за 1928 г. в Югославии.

*Святитель Иоанн (Максимович)  
"Православное почитание Божией Матери",  
Вильмуассон – С.-Петербург, 1992 г.*

*Фонд Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского  
Чудотворца, Россия, Москва.  
Тел/ факс: (095) 280-12-80*

*[info@adamovka.ru](mailto:info@adamovka.ru)*